

Курган 108 читался на пахоте светлым пятном диаметром 7,5 м, находился в 290 м к северо-северо-востоку (27°) от R_2 и в 35 м к западо-северо-западу (311°) от кургана 107. Курган исследован в 2011 г.

Курган 109 читался на пахоте светлым пятном диаметром 8 м, находился в 255 м к северо-северо-востоку (42°) от R_2 и в 70 м к востоко-юго-востоку (134°) от кургана 108. Курган исследован в 2011 г.

Курган 110 высотой 0,4 м от уровня древнего горизонта и диаметром 23 м находился в 435 м к северо-северо-востоку (3°) от R_2 . Курган исследован в 2012 г.

Курган 111 читался на пахоте светлым пятном диаметром 10,5 м, находился в 305 м к северо-северо-востоку (22°) от R_2 и в 30 м к северо-северо-западу (323°) от кургана 108. Курган исследован в 2012 г.

Курган 112 читался на пахоте светлым пятном диаметром 11 м, находился в 345 м к северо-северо-востоку (35°) от R_2 и в 85 м к востоко-юго-востоку (91°) от кургана 111. Курган исследован в 2012 г.

Курган 113 читался на пахоте светлым пятном диаметром 9 м, находился в 315 м к северо-северо-востоку (35°) от R_2 и в 30 м к юго-юго-западу (215°) от кургана 112. Курган исследован в 2012 г.

Курган 114 читался на пахоте светлым пятном диаметром 9,5 м, находился в 330 м к северо-северо-востоку (30°) от R_2 и в 35 м к северо-северо-западу (333°) от кургана 113. Курган исследован в 2012 г.

Курган 115 читался на пахоте светлым пятном диаметром 8,5 м, находился в 250 м к северо-северо-востоку (16°) от R_2 и в 110 м к западо-юго-западу (246°) от кургана 114. Курган исследован в 2012 г.

§ 2. История полевых исследований могильника у с. Глиное

Истории изучения даже представительных археологических памятников в научных работах часто отводится несколько скупых строк, абзацев или страниц. Однако применительно к могильнику у с. Глиное подобный подход к изложению истории его исследований представляется недостаточным. Учитывая уникальность полученных данных и длительность раскопок памятника (1995—2012 гг.), тот факт, что за это время материалы могильника практически не вводились в научный оборот, вызывал оправданное недоумение у заинтересованных специалистов-археологов. Причина такой ситуации кроется именно в истории исследования мо-

гильника у с. Глиное, которая, на наш взгляд, требует подробного изложения.

16 августа 1995 г. сотрудники Днестровской археологической экспедиции (ДАЭ) Приднестровского государственного университета (ПГУ²) им. Т.Г. Шевченко под руководством заведующего Научно-исследовательской лабораторией (НИЛ) «Археология» кандидата исторических наук Е.В. Ярового приступили к исследованию кургана эпохи бронзы у с. Глиное Слободзейского района.

Заметим, что в первые годы после развала СССР, когда Е.В. Яровой переехал на постоянное место жительства из г. Кишинёв, столицы Республики Молдовы (РМ), в г. Тирасполь, столицу Приднестровской Молдавской Республики (ПМР), социально-экономическая обстановка в последней была весьма далека от благополучной. Сказывались не только экономические последствия распада СССР, но и политическое, экономическое и даже силовое противостояние правого и левого берегов Днестра, наивысшей точкой которого стал военный конфликт в 1992 г. Тем не менее, первый ректор ПГУ им. Т.Г. Шевченко В.Н. Яковлев, несмотря на многочисленные трудности, создал все условия для начала развития археологической науки в ПМР. Именно он принял на работу в университет Е.В. Ярового, поскольку в Тирасполе тогда профессиональных археологов не было. И уже в 1992 г. была проведена первая археологическая экспедиция, за которой последовали и другие. Таким образом, на протяжении 1990-х гг. в Приднестровской Молдавской Республике постоянно работала археологическая экспедиция, находившаяся на полном финансовом обеспечении со стороны университета, чего не было в сопредельных государствах.

Вернёмся в 1995 г. Непосредственно в раскопках кургана эпохи бронзы, позже получившего №1, принимали постоянное участие один из авторов настоящей работы — тогда лаборант НИЛ «Археология» И.А. Четвериков, а также студенты исторического факультета ПГУ им. Т.Г. Шевченко — Д.И. Димитрашко, В.А. Краснов, О.Е. Павленко и Р.Н. Яценко. Очень важно подчеркнуть, что «начальник» Е.В. Яровой не принимал никакого участия в работе экспедиции, которую он формально возглав-

² За последние 25 лет университет носил три названия: ТГКУ — Тираспольский государственно-корпоративный университет (с 1990 г.); ПГКУ — Приднестровский государственно-корпоративный университет (с 1992 г.); ПГУ — Приднестровский государственный университет (с 1997 г. и по настоящее время). Здесь и далее по тексту, во избежание путаницы, мы используем нынешнюю аббревиатуру.

лял. Он не только не был в поле во время раскопок кургана, не занимался ведением полевой документации, не контролировал соблюдение техники безопасности во время проведения земляных работ, но даже не находился в с. Глиное. У молодых сотрудников не было достаточных навыков полевой и организационной работы. За неимением других вариантов, они были вынуждены проживать в помещении медицинского пункта коррекционной школы-интерната, расположенной в непосредственной близости от места раскопок.

Для проведения раскопок кургана был арендован бульдозер Т-130. Однако начатые исследования были прерваны на третий день работ. Без объяснения причин недоумевающим сотрудникам бульдозер на трале был вывезен из экспедиции. Спустя значительное время выяснилось, что причиной «отзыва» бульдозера стала неоплата Е.В. Яровым услуг по его аренде Слободзейскому автотранспортному предприятию, хотя деньги от университета по этой статье расходов были получены. В этой ситуации И.А. Четвериков обратился за помощью к председателю сельского совета с. Глиное В.А. Бабою, который выделил для продолжения исследования кургана бульдозер ДТ-75 с запасом дизельного топлива на две рабочие смены. Благодаря этому удалось дочистить две траншеи кургана и обнаружить ещё несколько погребений. После отзыва и этого бульдозера работы велись исключительно вручну: раскапывались и расчищались обнаруженные погребения, вёлся поиск новых, подчищались и рисовались бровки. Всего в кургане на начало сентября 1995 г. было изучено 43 разновременных погребения. Были полностью изучены две центральные траншеи, при этом неисследованными оставались западная и восточная полы кургана.

В конце августа с «визитом экскурсионного характера» раскопки посетили Е.В. Яровой и киевский археолог, кандидат исторических наук А.В. Симоненко. Вскоре «начальник» и его гости покинули место раскопок. Между тем, к 10 сентября возможности дальнейшего изучения кургана 1 были исчерпаны. При этом отсутствие транспорта делало невозможным завершение работы экспедиции, т.к. не было даже возможности вывезти находки и антропологический материал. В этой ситуации И.А. Четвериковым было принято решение о начале разведочных исследований на расположенном рядом с курганом 1 участке поля, в непосредственной близости от школы-интерната. Этот участок поля в сентябре 1995 г. не распахивался, и на нём отчётливо выделялась небольшая насыпь (будущий курган №2). Работы начались 14 сентября и проводились с целью атрибуции объекта (курган или естественное

всхолмление), для чего был заложен квадратный шурф площадью 25 м². В результате раскопок на небольшой глубине было обнаружено впускное сарматское погребение с черняховским инвентарём (2/1). Углубление шурфа после расчистки захоронения привело к обнаружению входной ямы ограбленной скифской катакомбы (2/2).

20 сентября к месту раскопок прибыл Е.В. Яровой в сопровождении одесского археолога А.В. Субботина. Осмотрев курган, они предварительно интерпретировали его как насыпь скифо-сарматского времени с впускным черняховским погребением (2/1). В этой связи местность вокруг кургана 2 рассматривалась как часть могильника черняховской культуры. Было принято решение исследовать оставшуюся площадь насыпи и пространство вокруг неё тяжёлой техникой. Ещё до этого, 21 и 22 сентября, при участии А.В. Субботина, было раскопано основное разграбленное скифское погребение. На следующий день на раскопках снова появился бульдозер Т-130, однако Е.В. Яровой не направил его для продолжения исследования кургана 1, поскольку основное погребение в нём было ограблено, и сам курган перестал представлять всякий интерес для «начальника». Он был охвачен новой идеей получения «представительного» материала из скифских погребений. 23 сентября небольшая насыпь кургана 2 была снята бульдозером до материка, при этом были обнаружены впускная входная яма погребения 2/2, впускное скифское погребение 2/3 и кольцевой ров, окружавший насыпь. Начатые раскопки впускной входной ямы погребения 2/2, вскоре после обнаружения в её верхнем слое черепа лошади, были прекращены по причине плотной забутовки её заполнения, которая была ошибочно принята за дно сооружения. Погребение 2/3 было раскопано полностью, и только в двух местах были сделаны разрезы рва. На этом раскопки могильника у с. Глиное в 1995 г. были завершены.

В 1996 г. у с. Глиное планировались раскопки выявленного скифского могильника и продолжение поиска возможного могильника черняховской культуры. Участие в работе экспедиции принимали старший лаборант НИЛ «Археология» И.А. Четвериков, принятый на работу в НИЛ «Археология» на должность специалиста А.В. Субботин, а также студенты исторического факультета ПГУ им. Т.Г. Шевченко В.А. Краснов, Д.И. Димитрашко и А.Н. Матросов. На завершающем этапе экспедиции в раскопках приняли участие ещё два студента исторического факультета ПГУ им. Т.Г. Шевченко П.Ф. Новицкий и С.А. Фидельский. Для проживания сотрудников экспедиции в 1996 г. (и вплоть до 1999 г.) использовалась нежилая комната в здании машинно-

тракторной бригады №4 (МТБ-4) с. Глиное, которое находилось на территории могильника.

Работы в 1996 г. начались с того, что в кургане 1 в результате разрушения стенок траншей были обнаружены ещё три захоронения (№№44—46). После их изучения раскопки переместились на участок поля, прилегающий к МТБ-4 с севера. Ещё весной здесь, на достаточно узкой вспаханной полосе, И.А. Четвериковым и Д.И. Димитрашко были зафиксированы несколько пятен. Изредка встречаемый на пахоте амфорный бой как будто подтверждал скифскую принадлежность могильника.

Изначально предполагалось исследовать обнаруженные пятна вручную квадратами 3×3 м и 4×4 м с последующим полным изучением насыпи и рекультивацией места раскопок при помощи тяжёлой техники. Однако в ходе работ выяснилось, что использование тяжёлой техники стало невозможным. По причине негативного «опыта» 1995 г., Слободзейское автотранспортное предприятие отказалось сотрудничать с Е.В. Яровым. Несмотря на то, что ПГУ им. Т.Г. Шевченко выделил достаточные средства (командировочные на каждого из сотрудников, а также средства на оплату тяжёлой землеройной техники), Е.В. Яровой решил ограничиться только ручными раскопками. Как и в 1995 г., в экспедиции отсутствовал не только «начальник», который оставался в г. Тирасполь и не принимал никакого участия в работах на могильнике у с. Глиное, но и автомобиль, поскольку «начальник» считал его излишним «атрибутом» экспедиции, сотрудники которой проживают в непосредственной близости от исследуемого памятника.

В 1996 г. на могильнике у с. Глиное вручную были частично изучены шесть скифских курганов. Только у одного из них к моменту исследования сохранилась насыпь (курган №6), все остальные в рельефе не выделялись. Всего было изучено семь погребений, из которых пять были основными (3/1, 4/1, 5/1, 7/1, 8/1), а два — впускными (6/1, 6/2); при этом одно погребение было раскопано не полностью — осталась неизученной впускная входная яма погребения 7/1. Основное захоронение кургана 6 найдено не было. В ходе работы экспедиции был установлен только один «позитивный» факт — отсутствие могильника черняховской культуры.

Несмотря на весьма сомнительные достижения с 1996 г. и до завершения своего «блестящего» пути на ниве археологии Приднестровья, Е.В. Яровой стал активно привлекать средства массовой информации для освещения археологических работ на могильнике у с. Глиное. Сменивший в 1996 г. В.Н. Яковлева на должности

Рис. 3. И.В. Бруяко (слева) и И.А. Четвериков (справа) в погребальной камере катакомбы кургана 3 (фото 1996 г.).

Fig. 3. I.V. Bruiako (on the left) and I.A. Chetverikov (on the right) in the funerary chamber of the catacomb in barrow 3 (photo 1996).

ректора ПГУ им. Т.Г. Шевченко С.И. Берил продолжал оказывать всестороннюю поддержку археологическим исследованиям в Приднестровье. Он посетил раскопки кургана 5 могильника у с. Глиное. Также с этого времени памятник стал местом различных «экскурсий», куда Е.В. Яровой, не стесняясь своей методики, стал приглашать различных специалистов, в том числе археологов. В частности, в 1996 г. на могильнике побывал одесский археолог, кандидат исторических наук И.В. Бруяко (рис. 3).

В 1997 г. раскопки могильника проходили с июня по сентябрь. В исследованиях принимали участие младший научный сотрудник НИЛ «Археология» И.А. Четвериков (рис. 4/1, 2), специалист НИЛ «Археология» А.В. Субботин, а также студенты исторического факультета ПГУ им. Т.Г. Шевченко В.А. Краснов, А.Н. Матросов, Д.И. Димитрашко, П.Ф. Новицкий (1977—2004) и С.А. Фидельский (с 2015 г. кандидат исторических наук) (рис. 4/4). Также в экспедиции принял участие студент 4 курса исторического факультета Московского государственного университета (МГУ) им. М.В. Ломоносова Е.И. Гак (с 2005 г. кандидат исторических наук). В августе на могильнике была впервые проведена в две смены (каждая по две недели) археологическая практика студентов 1 курса исторического факультета ПГУ им. Т.Г. Шевченко.

Поскольку ещё в январе 1997 г. с администрацией Слободзейского района был заключён до-

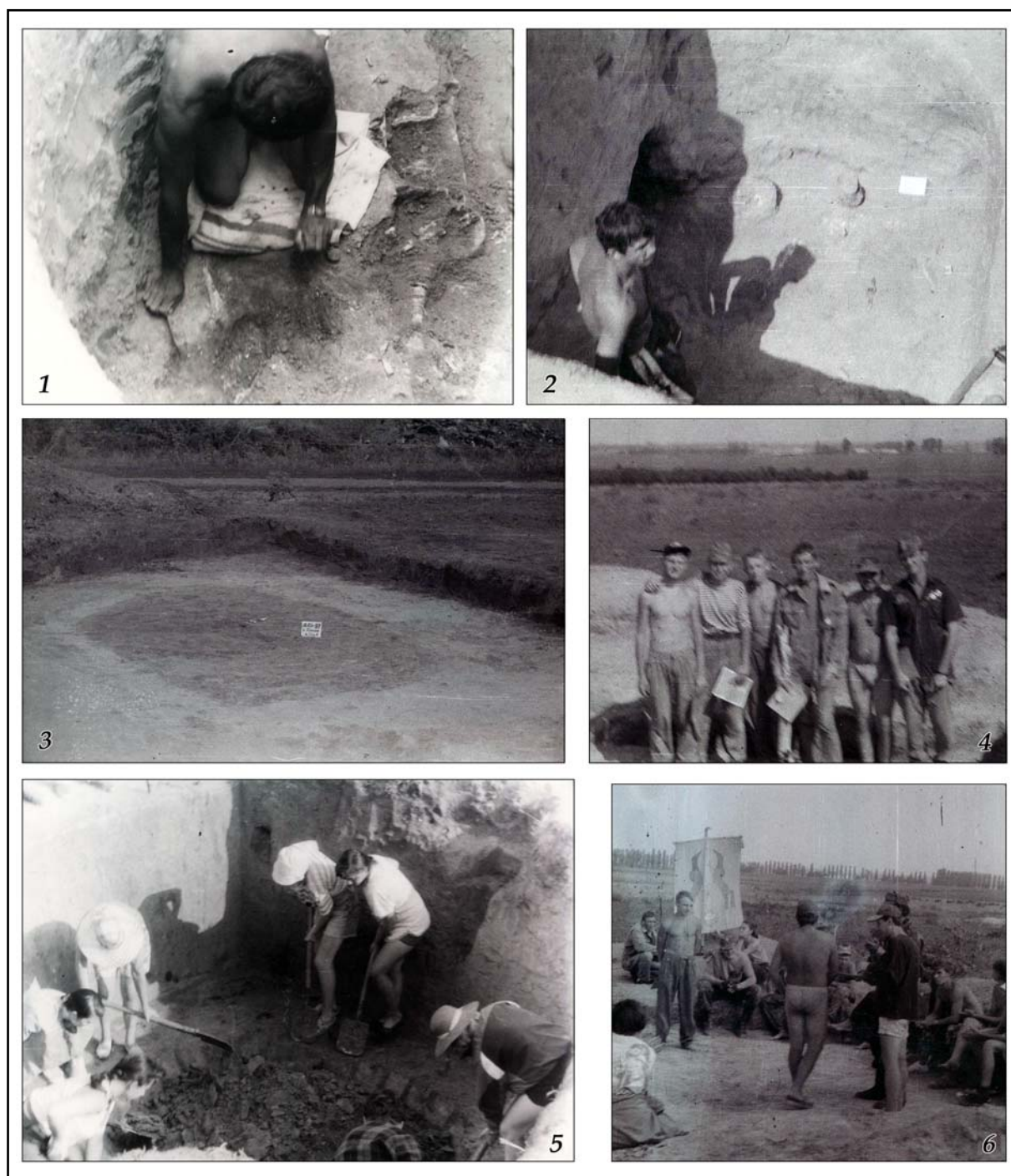

Рис. 4. Раскопки могильника у с. Глиное в 1997 г.: 1, 2 — И.А. Четвериков в процессе расчистки захоронения 13/1; 3 — раскоп над входной ямой погребения 14/1; 4 — участники экспедиции 1997 г.: П.Ф. Новицкий, А.Н. Матросов, Д.И. Димитрашко, А.В. Субботин, С.А. Фидельский, В.А. Краснов (слева направо); 5 — студенты-практиканты на выборке заполнения из входной ямы погребения 14/1; 6 — празднование Дня археолога на раскопках погребения 14/1.

Fig. 4. Excavations of the Glinoe cemetery in 1997: 1, 2 — I.A. Chetverikov in the process of cleaning of burial 13/1; the dig above the entrance well to burial 14/1; participants of the expedition 1997: P.F. Novitskij, A.N. Matrosov, D.B. Dimitrashko, A.V. Subbotin (from left to right); students extracting the filling of the entrance well to burial 14/1; 6 — Archaeologist's Day on the dig of burial 14/1.

говор о выводе из землепользования земельного участка площадью 29 га, прилегающего к МТБ-4, с целью производства на нём археологических исследований, с этого времени он перестал рас-

пахиваться. Это привело к тому, что к началу раскопок в июне площадь памятника густо заросла сорной травой, вследствие чего «исследованию» подверглись видимые в рельефе насыпи и кур-

ганные пятна, местоположение которых было известно с 1996 г.

Ещё бóльшим «горем» для участников экспедиции стало то, что Е. В. Яровой в июне пригласил посетить памятник одесского специалиста-петрографа В. Ф. Петруня (1922—2005), практиковавшего т. н. биолокацию или «лозоходство». Не придумав ничего лучше, Е. В. Яровой решил проверить этот метод на практике, и, по указанию гостя, на могильнике было заложено два раскопа площадью по 100 м², каждый из которых был доведён до материка. Результат оказался ожидаемо нулевым — оба раскопа оказались совершенно пустыми, в них не было выявлено ни одного объекта. Немало времени и сил было потрачено также на разбивку раскопов по т. н. «ложным» пятнам, образованным окопами и блиндажами времён Великой Отечественной войны.

В 1997 г. вручную были частично раскопаны десять скифских курганов — №№9—18. Только у двух из них к моменту исследований сохранились видимые насыпи (курганы 14 и 17). Всего было изучено десять погребений, из которых восемь были основными (9/1, 10/1, 11/1, 12/1, 13/1, 14/1, 16/1, 17/1), а два — впускными (15/1, 18/1). В захоронении 16/1 впускная входная яма осталась неисследованной. Основное погребение кургана 15 найдено не было. Только за счёт большой концентрации сил студентов из обеих смен практики удалось исследовать огромную катакомбу 6-метровой глубины в кургане 14 (погребение 14/1) (рис. 4/3, 5, 6).

28—30 августа 1997 г. в ходе полевого семинара «Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварской культур (IV в. до н. э. — IV в. н. э.)» скифский могильник у с. Глиное посетили некоторые участники научного форума, в частности, одесские археологи И. В. Бруяко, А. Е. Малюкевич и Е. Ф. Редина. Они имели возможность увидеть т. н. «методику копания» погребальных сооружений на памятнике, которая не претерпела никаких изменений. Пятна и насыпи раскапывались квадратными раскопами 4 × 4 м. При обнаружении входных ям подзахоронения раскопы расширялись, зачастую меняя форму на прямоугольную.

Сотрудники экспедиции по-прежнему проживали в одной из комнат МТБ-4, малопригодной не только для первичной камеральной обработки находок, но и для нормального проживания. Так же, как и в предыдущие годы, на раскопках не было столь необходимого автотранспорта. Единственное изменение коснулось только «начальника» Е. В. Ярового, арендовавшего, причём только для личного проживания и приёма гостей, частный дом по ул. Синько в с. Глиное.

В 1998 г. раскопки могильника у с. Глиное проводились в августе и сентябре. В полевых исследованиях принимали участие младший научный сотрудник НИЛ «Археология» И. А. Четвериков, специалист НИЛ «Археология» А. В. Субботин, а также студенты исторического факультета ПГУ им. Т. Г. Шевченко В. А. Краснов, Д. И. Димитрашко, П. Ф. Новицкий, С. А. Фидельский и А. Н. Матросов. Кроме того, в экспедиции приняли участие выпускник исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова Е. И. Гак и студент 3 курса того же факультета А. Н. Черкасов. В августе на памятнике проходила двухсменная (две недели на одну смену) археологическая практика студентов 1 курса исторического факультета ПГУ им. Т. Г. Шевченко (рис. 5/1—3).

Как и в 1997 г., серьёзной проблемой стал поиск новых объектов для раскопок, поскольку поле не распахивалось уже два года. Эту задачу, ввиду отсутствия любых других возможностей, которые должны были быть обеспечены «начальником» Е. В. Яровым, участникам экспедиции приходилось решать единственно возможным тогда путём — копанием небольших шурфов размеров 0,5 × 0,5 м и глубиной от 0,4 м до 0,6 м. Эта «методика» имела целью обнаружение материкового выкида в виде глины из глубоких катакомб могильника у с. Глиное. К сожалению, для осуществления этих поисков, которые оказались безрезультатными, были привлечены все силы студенческой археологической практики. В течение августа копание сотен ямок рядами на расстоянии 1 м одна от другой на прилегающей к кургану №14 территории не привело к обнаружению ни одной распаханной насыпи. Единственным археологическим объектом, в раскопках которого успели принять участие студенты-практиканты, стало погребение 18/2, являвшееся основным в кургане 18, частично исследованном в 1997 г. Это захоронение сотрудникам экспедиции удалось обнаружить при зачистке стенок раскопа предыдущего года. Таким образом, совершенно бездарное использование студенческой практики, которое приводило только к отвращению будущих историков от археологической науки, стало закономерным результатом той «методики», которая продолжала применяться Е. В. Яровым.

После завершения студенческой практики сотрудникам экспедиции всё-таки удалось локализовать насыпи ещё 12 курганов (№№19—30). Ни один из них не был исследован полностью, поскольку раскопки производились вручную. Из обнаруженных 18 скифских катакомб 13 оказались основными (18/2, 19/3, 20/1, 21/1, 22/2, 23/1, 24/1, 25/1, 26/1, 27/1, 28/1, 29/1, 30/1), а шесть — впускными (19/1, 19/2, 19/4 (рис. 5/4), 22/1, 22/3, 22/4).

Рис. 5. Раскопки могильника у с. Глиное в 1998 г.: 1 — студенты-практиканты возле раскопа над погребением 18/2, а также (на переднем плане) В.А. Краснов (слева), А.Н. Матросов (сидит в раскопе), И.А. Четвериков (справа); 2 — А.В. Субботин расчищает захоронение лошади в погребении 18/2 (на переднем плане В.А. Краснов); 3 — А.В. Субботин после расчистки погребения 19/4; 4 — захоронение 19/4.

Fig. 5. Excavations of the Glinoe cemetery in 1998: 1 — students near the dig above burial 18/2, and (in the foreground) V.A. Krasnov (left), A.N. Matrosov (sitting in the dig), I.A. Chetverikov (right); 2 — A.V. Subbotin cleaning a horse grave in burial 18/2 (V.A. Krasnov in the foreground); 3 — A.V. Subbotin after cleaning of burial 19/4; 4 — burial 19/4.

При этом впускные входные ямы в погребениях 27/1 и 29/1 исследованы не были.

Как и в предыдущие годы, сотрудники проживали в здании МТБ-4, в непосредственной близости возле могильника, в то время как «начальник» Е.В. Яровой и перебравшийся к нему А.В. Субботин проживали в арендованном частном доме по ул. Синько в с. Глиное. Временами Е.В. Яровой навещался на раскопки, по-прежнему не принимая в них никакого участия.

В 1999 г. работы на могильнике были начаты в июне и завершены в октябре. В раскопках принимали участие научный сотрудник НИЛ «Археология» И.А. Четвериков (рис. 6/2,4), выпускник исторического факультета ПГУ им. Т.Г. Шевченко, младший научный сотрудник НИЛ «Археология» С.А. Фидельский, специалист НИЛ «Археология» А.В. Субботин,

а также студенты 1 курса исторического факультета ПГУ им. Т.Г. Шевченко А.В. Андриенко (выпускник исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова 2004 г.) и В.С. Синика — один из авторов настоящей работы (рис. 6/2—4). В июле и августе на памятнике проходила двухсменная (каждая смена по четыре недели) археологическая практика студентов 1 курса исторического факультета ПГУ им. Т.Г. Шевченко (рис. 6/3).

Проблема поиска объектов исследований, остро стоявшая в 1998 г., получила своё дальнейшее продолжение и в 1999 г. Весь июнь И.А. Четвериков и С.А. Фидельский безрезультатно закладывали т.н. «шурфики». В начале июля, перед самым началом студенческой практики, им удалось локализовать один курган и исследовать в нём основное погребение. Первоначально курган получил номер 31,

Рис. 6. Раскопки могильника у с. Глиное в 1999 г.: 1 — «типичный» раскоп (4 × 4 м) над входной ямой погребения 32/1; 2 — В.С. Сеника (слева) и И.А. Четвериков (справа) с амфорой из погребения 31/1; 3 — студенты-практиканты (сидят — первый слева Г.Г. Шляхов, второй слева А.Н. Алемша, четвёртый слева В.С. Сеника) и С.А. Фидельский (сидит третий слева) на раскопе погребения 31/1; 4 — И.А. Четвериков (слева) и В.С. Сеника (справа) с горловиной амфоры из погребения 35/1.

Fig. 6. Excavations of the Glinoe cemetery in 1999: 1 — “typical” dig (4 × 4 m) above the entrance well to burial 32/1; V.S. Sinika (left) and I.A. Chetverikov (right) with an amphora from burial 31/1; 3 — students (sitting — the first from the left G.G. Shliahov, second from the left A.N. Alemsha, fourth from the left V.S. Sinika) and S.A. Fidelskij (sitting, the third from the left) on the dig of burial 31/1; I.A. Chetverikov (left) and V.S. Sinika (right) with neck of an amphora from burial 35/1.

но вскоре, после того, как И.А. Четвериков обнаружил сохранившуюся насыпь на соседнем участке поля (площадью 31 га), на котором ранее раскопки не производились, «окрылённый удачей начальник» Е.В. Яровой присвоил уже исследованному кургану №51, а найденным позже объектам — №№31, 32 (рис. 6/1), 33 и т.д. Перед сотрудниками была поставлена абсолютно нерешаемая задача — сомкнуть нумерацию курганов в 1999 г. Это «постановление» предполагало необходимость обнаружения и исследования 20 курганов, что нельзя объяснить ничем, кроме самодурства Е.В. Ярового.

После прибытия на археологическую практику студентов начались весьма интенсивные раскопки, поскольку, как оказалось, на могильнике был обнаружен участок погребений «аристократии». Практически все найденные катакомбы, за исключением обнаруженных в кургане 36, отличались большими размерами и глубиной.

В сентябре, после завершения студенческой археологической практики, были обнаружены ещё две насыпи в той части поля, где находился курган 51. Эти объекты получили №№52 и 53, причём первый из них курганом не являлся, а второй был исследован, и за ним сохранился №53.

Всего в 1999 г. было частично исследовано девять курганов (№№31—37, 51, 53), в которых в ходе раскопок вручную было изучено по одному основному захоронению.

В 1999 г. впервые на раскопках находился автомобиль ГАЗ-66 (водитель Э.Э. Штейнберг), который после двухнедельного пребывания в экспедиции был отправлен в г. Тирасполь на ремонт.

Мало что изменилось в плане быта сотрудников экспедиции. Они по-прежнему проживали в одной из комнат здания МТБ-4. «Начальник» Е.В. Яровой и А.В. Субботин, как и в предыдущие годы, проживали в с. Глиное отдельно от остальных сотрудников.

Рис. 7. Раскопки могильника у с. Глиное в 2000 г.: 1 — студенты-практиканты и В.С. Синика (сидит, крайний справа) на выборке впускной входной ямы погребения 38/1; 2 — А.В. Корецкий (слева), И.А. Четвериков (в центре) и В.С. Синика (справа) с амфорой из погребения 45/1; 3 — И.А. Четвериков (слева) и В.С. Синика (справа) после расчистки сарматского захоронения 38/2; 4 — погребение 14/2.

Fig. 7. Excavations of the Glinoe cemetery in 2000: 1 — students and V.S. Sinika (sitting leftmost) extracting the filling from the entrance well to burial 38/1; 2 — A.V. Koretskij (left), I.A. Chetverikov (in the center) and V.S. Sinika (right) with an amphora from burial 45/1; 3 — I.A. Chetverikov (left) and V.S. Sinika (right) after the cleaning of the Sarmatian burial 38/2; 4 — burial 14/2.

В 2000 г. исследования могильника у с. Глиное были начаты в июне и завершены в октябре. В раскопках принимали участие научный сотрудник НИЛ «Археология» И.А. Четвериков, младший научный сотрудник НИЛ «Археология» С.А. Фидельский, специалист НИЛ «Археология» А.В. Субботин, студенты 2 курса исторического факультета ПГУ им. Т.Г. Шевченко В.С. Синика, А.В. Андриенко (оба лаборанты НИЛ «Археология»), Г.Г. Шляхов, А.Н. Алемша. В июле и августе на памятнике проходила двухсменная (каждая смена по четыре недели) археологическая практика студентов 1 курса исторического факультета ПГУ им. Т.Г. Шевченко (рис. 7/1). После завершения практики в экспедиции принял участие А.В. Корецкий, студент уже 2 курса.

Как и в предыдущие годы, начало работы экспедиции было связано с поиском объектов исследования. В течение июня сотрудникам экспедиции удалось локализовать только один курган (№38).

В июле, после того как было исследовано основное скифское захоронение кургана 38, а также сарматское погребение, впускное в его впускную входную яму (рис. 7/3), все силы сотрудников экспедиции и студентов-практикантов, как и в 1998 г., были сосредоточены на поисках новых объектов, которые в течение всего июля оказались безрезультатными. Копание многочисленных ямок на протяжении трёх недель было уделом более чем 20 студентов первой смены, которым «повезло» проходить практику в июле. В августе Е.В. Яровой перевёл студенческую практику на многослойное поселение у с. Чобручи. На могильнике у с. Глиное в августе и первой декаде сентября сотрудникам с огромным трудом (поскольку использовалась всё та же «методика» копания ямок в поисках выкида) были обнаружены ещё девять курганов (№№39—47), которые и раскапывались в течение сентября.

Помимо этого, в начале сентября в экспедиции на могильнике у с. Глиное произошло

«чудо» — появился спонсор, житель г. Днестровск В.Г. Дроздовский, предоставивший бульдозер Т-170 на неделю работ. У «начальника» Е.В. Яровой появилась реальная возможность завершить исследование кургана 1, который за пять лет уже превратился в карьер по добыче глины и мусорную свалку. Однако «начальник» решил, что максимально эффективным будет использование этого мощного бульдозера для поиска границ могильника. Эти поиски начались с прокладывания четырёх траншей к северу от кургана 14 в надежде найти ещё один курган подобного ранга («аристократический»). Единственным результатом этой авантюры стало обнаружение рва в кургане 14, а также впускного погребения 14/2 (рис. 7/4), инвентарь которого не оправдал ожиданий Е.В. Яровой. Помимо этого, в 2000 г. у «начальника» была ещё одна возможность завершить исследования кургана 1 или хотя бы рационально использовать бульдозер для исследований скифского могильника у с. Глиное. Тот же спонсор вновь предоставил тяжёлый бульдозер, однако на этот раз Е.В. Яровой решил использовать его для исследования курганов, которые не имели никакого отношения к скифскому могильнику у с. Глиное. Эти насыпи располагались на землях сельского совета с. Чобручи, и, по иронии судьбы, одна из них оказалась таким же полностью ограбленным аристократическим скифским курганом, как и курган 14 могильника у с. Глиное (Четвериков, Синика, 2009), а вторая — содержала единственное полностью ограбленное аристократическое сарматское погребение (Фидельский, 2004).

Возвращаясь к могильнику у с. Глиное, отметим, что в 2000 г. были частично изучены десять вновь выявленных скифских курганов (№№38—47), ещё в одном кургане (№14) было обнаружено впускное захоронение. Всего было раскопано 16 погребений, из которых десять были основными (38/1, 39/1, 40/1, 41/1, 42/1, 43/2, 44/1, 45/1 (рис. 7/2), 46/3, 47/1), а шесть (14/2, 38/2, 43/1, 44/2, 46/1, 46/2) — впускными. Ров, обнаруженный в кургане 14, исследован не был. Абсолютно неэффективное использование тяжёлой землеройной техники привело к тому, что все работы, впрочем, как и в предыдущие годы, велись вручную. Рекультивация раскопов не производилась.

Произошли некоторые изменения в бытовых условиях сотрудников экспедиции. Они на собственные средства в с. Глиное арендовали частный дом по ул. Котовского, в непосредственной близости к коррекционной школе-интернату, поскольку здание уже бывшей (на 2000 г.) МТБ-4 стало абсолютно непригодным для проживания. При этом средства, выделяемые

на аренду базы для экспедиции согласно смете, «начальник» Е.В. Яровой по-прежнему расходовал на аренду другого частного дома в с. Глиное, где вместе с ним проживали А.В. Субботин и водитель В.М. Костецкий. Последний появился в экспедиции, поскольку в 2000 г. за нею был закреплён автомобиль «ГАЗель», подаренный первым Президентом ПМР И.Н. Смирновым ПГУ им. Т.Г. Шевченко именно для нужд НИЛ «Археология». Однако, невзирая на объективную необходимость пребывания транспортного средства возле раскопа, автомобиль постоянно находился возле дома «начальника» и использовался им для личных нужд и «инспекционных» поездок на раскопки. В 2000 г. Е.В. Яровой защитил диссертацию на соискание учёной степени доктора исторических наук. Разумеется, всё остальное, как и прежде, его не интересовало.

Осенью 2000 г. старший преподаватель кафедры общего землеведения ПГУ им. Т.Г. Шевченко С.И. Могилевский провёл топографическую съёмку курганов, исследование которых было начато в 1995—2000 гг.

В этом же году украинским антропологом С.А. Горбенко (г. Полтава) была сделана пластическая реконструкция лица погребённого по черепу, обнаруженному в «аристократическом» захоронении 14/1 могильника у с. Глиное (Горбенко, 2000). Череп «вождя» при этом не был возвращён Е.В. Яровым в г. Тирасполь, где хранились все находки из могильника у с. Глиное, в том числе и антропологические материалы.

В 2001 г. исследования могильника у с. Глиное проходили с июня по сентябрь. В них принимали участие научный сотрудник НИЛ «Археология» И.А. Четвериков, специалист НИЛ «Археология» А.В. Субботин, студенты 3 курса исторического факультета ПГУ им. Т.Г. Шевченко В.С. Синика (лаборант НИЛ «Археология»), Г.Г. Шляхов, А.Н. Алемша (рис. 8/3). В июле и августе на памятнике проходила двухсменная (каждая смена по четыре недели) археологическая практика студентов 1 курса исторического факультета ПГУ им. Т.Г. Шевченко. После её завершения два бывших практиканта, уже студенты 2 курса А.В. Гуцул и М.Д. Каргин продолжили своё участие в работе экспедиции (рис. 8/2).

К середине июня сотрудникам экспедиции удалось локализовать курган 48, в котором было изучено основное погребение. После этого, для подготовки к проведению очередного полевого семинара «Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья», «начальник» Е.В. Яровой потребовал в срочном порядке найти и расчистить несколько катакомб, которые располагались бы непосредственно у шоссе

Рис. 8. Раскопки могильника у с. Глиное в 2001 г.: 1 — И.А. Четвериков во время расчистки погребения 52/1; 2 — А.В. Гуцул (слева), В.С. Синика (в центре) и М.Д. Каргин (справа) с находками из погребения 60/1; 3 — А.Н. Алемша в погребальной камере захоронения 56/1; 4 — погребение 60/2 (за головами погребённых — пролом в захоронение 60/1).

Fig. 8. Excavations of the Glinoe cemetery in 2001: 1 — I.A. Chetverikov in the process of cleaning of burial 52/1; 2 — A.V. Gutsul (left), V.S. Sinika (in the center) and M.D. Kargin (right) with finds from burial 60/1; 3 — A.N. Alemsha in the funerary chamber of burial 56/1; 4 — burial 60/2 (behind heads of the buried — break into burial 60/1).

Тирасполь — Днестровск, в связи с чем были максимально удобными для их осмотра участниками семинара. Сотрудникам экспедиции, в очередной раз за счёт копания ямок-«шурфиков», удалось найти курган, которому присвоили номер 52, т.к. рядом располагавшиеся курганы, исследованные в 1999 г., имели №№51 и 53. Основное скифское захоронение кургана 52 ко времени проведения семинара было расчищено и показано гостям (рис. 8/1). Среди них были специалисты-археологи из г. Кишинёв — С.М. Агульников, В.Г. Бубулич, Г.Ф. Чеботаренко и Н.П. Тельнов, имевшие возможность лично зафиксировать «методику» раскопок, практиковавшуюся на могильнике у с. Глиное.

Тем не менее, проблема поисков новых объектов для исследования продолжала оставаться весьма острой. Как и прежде, за счёт приложения огромных усилий, сотрудникам экспедиции

удалось локализовать ещё один курган, располагавшийся в южной части могильника поблизости от кургана 52. Эта полностью распаханная насыпь получила №50. Однако и обнаружение этого объекта не позволило сомкнуть нумерацию курганов, что Е.В. Яровой планировал сделать ещё в 1999 г.

Совершенно тупиковая ситуация, заключавшаяся в полном отсутствии новых объектов для исследований, была решена сотрудниками экспедиции самостоятельно, безо всякого участия «начальника». Это стало неизбежным, поскольку полная отстранённость Е.В. Ярового от решения любых проблем, кроме личных, была уже слишком очевидной для всех его подчинённых. Надежды последних на то, что после защиты докторской диссертации Е.В. Яровой хоть как-то изменит своё отношение, если не к людям, то хотя бы к делу, не оправдались.

В начале июля, осознав безрезультатность дальнейшего копания ямок-«шурфиков», один из авторов настоящей работы использовал личные средства для оплаты распахки 9 га на полностью заросшем участке поля, где проводились исследования в 1995—1998 гг. Ожидаемым и, самое главное, давно очевидным результатом этой распахки стало обнаружение 12 объектов: 11 курганных пятен и одной сохранившейся насыпи (курганы №№49, 54—64). Среди них был и тот, что, получив №49, позволил наконец сомкнуть нумерацию курганов.

При участии студентов-практикантов были разбиты небольшие раскопы практически на всех найденных объектах. Исследования выявленных в них погребений продолжались до середины сентября. В самом конце полевого сезона в южной части могильника был найден и частично раскопан ещё один курган — №65.

В итоге в 2001 г. вручную были частично исследованы 16 курганов (48—50, 52, 54—65), в которых было изучено 20 погребений — 19 скифских и одно эпохи Великого переселения народов. Среди них 16 были основными (48/1, 49/1, 50/1, 52/1, 54/3, 55/1, 56/1, 57/1, 58/1, 59/1, 60/1, 61/1, 62/1, 63/1, 64/1, 65/1), а четыре (50/2, 54/1, 54/2, 60/2) оказались впускными. Восемь погребений (49/1, 50/1, 52/1, 55/1, 59/1, 61/1, 62/1, 64/1) содержали подзахоронения через впускные входные ямы, из которых три не были исследованы (59/1, 61/1, 64/1). В погребении 62/1 не была исследована основная входная яма. Раскопки кургана 61 после того, как в его основной входной яме был обнаружен практически весь брошенный грабителями инвентарь, были прекращены. Безусловно, анекдотичным, впрочем, таким же печальным, как и все остальные, стал случай с впускным захоронением 2 в кургане 60 (рис. 8/4): его погребальная камера была расчищена через пролом в стенке погребальной камеры основного погребения 60/1, после чего ни входная яма, ни дромос этого комплекса раскопаны не были.

По сравнению с предыдущим годом, не произошло никаких изменений в «характере» экспедиции. Непосредственные её участники проживали в доме, который арендовали в селе за свой счёт, в то время как «начальник» Е. В. Яровой, а также специалист НИЛ «Археология» А. В. Субботин и водитель В. М. Костецкий жили отдельно. Автомобиль «ГАЗель» по-прежнему использовался только для личных нужд Е. В. Яровой, а не в экспедиционных целях.

Характер деятельности Е. В. Яровой на должности заведующего НИЛ «Археология» и, особенно, в ходе проведения археологических исследований, ставший слишком заметным не только для его подчинённых, но и для руководства ПГУ

им. Т. Г. Шевченко, привёл к тому, что экспедиция в 2002 г. приказом по университету открыта не была. Однако в этом году на 5—8 ноября в Приднестровском государственном университете им. Т. Г. Шевченко было запланировано проведение Международной археологической конференции «Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V в. н. э.)» в г. Тирасполе (рис. 9). К началу конференции вышли из печати два издания. Первое из них представляло собой сборник к 50-летию юбилею Е. В. Ярового («Северное Причерноморье: от энеолита к античности»), где юбиляр не постеснялся написать панегирик самому себе под названием «Профессионал». Он предварял статьи и был скромно подписан Е. В. Яровым «Сотрудники НИЛ “Археология” ПГУ». Второй сборник содержал материалы конференции. В связи с тем, что планировалось посещение участниками конференции раскопок могильника у с. Глиное, Е. В. Яровой потребовал от сотрудников подготовить для демонстрации, как и в случаях с полевыми семинарами 1997 г. и 2000 г., несколько скифских катакомб, а также «любезно разрешил» им использовать для проживания дом, который арендовался им на протяжении предыдущих лет для своего собственного отдыха в с. Глиное. К слову, этот дом располагается в непосредственной близости от р. Турунчук, на максимально возможном (в пределах села) удалении от могильника. Поскольку экспедиция открыта не была, транспорта для вывоза сотрудников и инвентаря на раскоп и обратно не было.

В 2002 г. с конца августа и до конца октября участие в раскопках принимали научный сотрудник НИЛ «Археология» И. А. Четвериков, лаборант НИЛ «Археология» В. С. Синика, а также студенты 3 курса исторического факультета ПГУ им. Т. Г. Шевченко А. М. Гуцол, А. В. Гуцул, М. Д. Каргин, М. В. Барабан, А. Н. Бабчинский.

Ограниченность сил и средств привела к тому, что за всё время раскопок, осуществлявшихся вручную, были обнаружены и частично исследованы четыре кургана (№№66—69). При раскопках в них были изучены восемь скифских погребений. Четыре из (66/1, 67/3, 68/1, 69/1) были основными, другие четыре — впускными (67/1, 67/2, 67/4, 67/5).

В 2003 г., уже второй год подряд, археологическая экспедиция приказом по ПГУ им. Т. Г. Шевченко открыта не была. Полевые исследования должны были ограничиться исключительно археологической практикой, запланированной на июль. Предварительно, в июне, сотрудники НИЛ «Археология» (старший научный сотрудник И. А. Четвериков (рис. 10/2), младший

Рис. 9. Участники раскопок могильника у с. Глиное в 2002 г. М.В. Барабан (крайний слева), М.Д. Каргин (второй слева), И.А. Четвериков (второй справа), А.М. Гуцол (крайний справа) во время проведения конференции в г. Тирасполь. В центре участник конференции А.Н. Коваленко из г. Ростов-на-Дону.

Fig. 9. Participants of the Glinoe cemetery excavations in 2002. M.V. Baraban (leftmost), M.D. Kargin (second from the left), I.A. Chetverikov (second from the right), A.M. Gutsol (rightmost) during the conference in Tiraspol. In the center — conference participant A.N. Kovalenko (Rostov-on-Don).

научный сотрудник С.А. Фидельский и лаборант В.С. Синика (рис. 10/1)) выехали в с. Глиное для поиска объектов исследования. Как и в 2001 г., на средства одного из авторов настоящей работы была проведена распашка 5 га на участке поля, где проводились исследования курганов в 1995—1998 гг. и в 2001 г. Это позволило выявить 14 объектов: 13 курганных пятен и одну сохранившуюся насыпь. Ещё один курган был обнаружен «копанием ямок» в южной части могильника (курган 70). За неимением никаких других возможностей, участники экспедиции были вынуждены снова приспособлять для проживания одну из комнат здания бывшей МТБ-4, в которой в 2003 г. отсутствовало даже электричество.

С приездом практикантов началась интенсивная работа по разбивке раскопов и выборке погребальных сооружений. В итоге в 2003 г. вручную были частично исследованы семь скифских курганов (70—76), в которых было найдено восемь погребений: семь основных (70/1, 71/1, 72/1, 73/1 (рис. 10/3), 74/1, 75/1 (рис. 10/4), 76/1) и одно впускное (73/2). Впускная входная яма захоронения 71/1 исследована не была.

Однако к середине июля Е.В. Яровой в ответ на якобы гонения со стороны руководства ПГУ им. Т.Г. Шевченко прекратил проведение практики, положив тем самым конец полевым исследованиям 2003 г., а также первому, и, без всякого па-

фоса, позорному этапу исследования могильника у с. Глиное.

Самый важный вопрос, который может задать не только специалист-археолог, но и любой заинтересованный читатель, состоит в том, как подобные «раскопки» могли произойти в последнем десятилетии XX в. и в самом начале XXI в. Для ответа на этот вопрос необходимо хотя бы минимально охарактеризовать Е.В. Ярового как личность и провести достаточно подробный анализ его псевдоархеологической деятельности в той части, в которой она связана с могильником Глиное.

Начало раскопок этого памятника в 1995 г. не было связано с плановыми исследованиями именно скифского могильника. Тогда о его существовании никто и не подозревал. Е.В. Яровой, основной научный интерес которого всегда был сосредоточен на культурах степного энеолита, а также ранней и средней бронзы Северного Причерноморья, предпринял попытку исследования кургана 1, положившего начало раскопкам могильника, именно с надеждой обнаружить в нём основное энеолитическое погребение. Как только было установлено, что данное захоронение, основное для первой насыпи (№9), было полностью ограблено, Е.В. Яровой потерял всяческий интерес к данному кургану. Именно поэтому, неоднократно имея возможность завер-

Рис. 10. Раскопки могильника у с. Глиное в 2003 г.: 1 — В.С. Синика с амфорой из погребения 71/1; 2 — И.А. Четвериков в процессе расчистки западной камеры захоронения 76/1; 3 — погребение 73/1 после расчистки; 4 — захоронение 75/1 после расчистки.

Fig. 10. Excavations of the Glinoe cemetery in 2003: 1 — V.S. Sinika with amphora from burial 71/1; 2 — I.A. Chetverikov in the process of cleaning of the western chamber of burial 76/1; 3 — burial 73/1 after cleaning; 4 — burial 75/1 after cleaning.

шить исследования кургана 1, «начальник» даже не думал об этом (Разумов и др., 2013, 298). С этого момента и до 2003 г. Е. В. Яровой не только не принимал никакого участия в раскопках могильника у с. Глиное, не только абсолютно равнодушно относился к материалам, полученным в ходе его исследования, но и, что гораздо хуже, использовал этот памятник только в личных корыстных целях.

Так, судя по сохранившимся документам, в разные годы с 1995 г. по 2003 г. в состав Днестровской археологической экспедиции Е. В. Яровым неоднократно включались так называемые «мёртвые души». Четверо из них были местными: преподаватель кафедры архитектуры В. А. Богдан, возглавлявший с 2000 г. по 2003 г. Музей археологии Поднестровья ПГУ им. Т. Г. Шевченко; А. И. Муссуров, безо всякого профильного образования; инженер-программист С. Б. Карагеоз, а также выпускница исторического факультета ПГУ им. Т. Г. Шевченко О. А. Мальшева. Первые двое занимались только тем, что в ходе экспедиций составляли компанию Е. В. Яровому и А. В. Субботину, отдыхая в тёплое время года в частном доме, расположенном в непосредственной близости от р. Турунчук. С. Б. Карагеоз занимался созданием электронной базы данных, ставшей приложением докторской диссертации Е. В. Ярового. О. А. Мальшева после окончания университета в 1996 г. никогда не появлялась ни в НИЛ «Археология», ни на раскопках могильника у с. Глиное. Кишинёвского художника В. Н. Стрельцова никто и никогда не видел ни в г. Тирасполь, ни в с. Глиное; им не было зарисовано ни одного предмета из раскопок могильника у с. Глиное. На протяжении ряда лет в состав Днестровской археологической экспедиции на бумаге был включён сотрудник Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Ф. Рылского НАН Украины, кандидат исторических наук С. П. Сегеда, а также сотрудник Одесского археологического музея В. Г. Петренко. Сохранившиеся сметы к приказам об открытии экспедиций свидетельствуют о том, что командировочные расходы на этих «сотрудников» выделялись ПГУ им. Т. Г. Шевченко. Однако, вне зависимости от того, получали ли указанные лица от Е. В. Ярового денежное довольствие за свою «работу» или нет, все они совершенно точно не имели никакого отношения ни к раскопкам могильника у с. Глиное, ни к обработке материалов, полученных при его исследованиях. В то же время на протяжении 1995—1998 гг. Е. В. Яровой не выделял практически никакого денежного довольствия всем непосредственным участникам раскопок могильника у с. Глиное (И. А. Четверикову, В. А. Краснову,

Д. И. Димитрашко, П. Ф. Новицкому, С. А. Фидельскому, А. Н. Матросову).

Очевидное пренебрежение всеми своими сотрудниками выражалось и в том, что «начальник» Е. В. Яровой всегда проживал отдельно от своих подчинённых, совершенно не заботясь об их бытовых условиях и, самое главное, о соблюдении техники безопасности. Ведь исследование глубоких катакомб, нередко с сохранившимися погребальными камерами, а priori подразумевает определённую угрозу получения травм. Несмотря на это, даже тогда, когда автомобиль был в экспедиции, он не использовался по своему прямому назначению. Сотрудникам экспедиции приходилось ежедневно на своих плечах и в своих руках переносить к месту раскопок различный инвентарь, а на обратном пути, после завершения исследования захоронений, ещё и переносить находки. Среди извлечённых были и наиболее хрупкие материалы — антропологические и археозоологические, которые при этом нередко серьёзно разрушались. Однако даже об упаковочном материале (картонные коробки, деревянные ящики) Е. В. Яровой не заботился.

Полное устранение «профессионала» Е. В. Ярового от участия в раскопках привело к тому, что они происходили без соблюдения какой бы то ни было археологической методики.

Отсутствие тяжёлой землеройной техники стало причиной проведения раскопок вручную. Огромные трудозатраты при этом, с учётом небольшого количества участников экспедиции, привели к тому, что на курганах с насыпями и даже на пятнах закладывались очень небольшие раскопы, которыми нельзя было исследовать всю площадь кургана. Однако и в тех случаях, когда при помощи студентов-практикантов можно было заложить раскопы большей площади, такие попытки жёстко пресекались Е. В. Яровым. Он неоднократно проповедовал своё главное «правило» — разбивка раскопа минимальной площади с целью изучить обнаруженное погребение. При этом запрещалось исследовать впускные входные ямы, когда их наличие становилось очевидным изнутри погребальной камеры катакомбы.

Только на шестой год исследования могильника у с. Глиное (в 2000 г.) была впервые осуществлена топографическая съёмка исследованных курганов. Если бы съёмка была проведена в 1995—1996 гг., когда площадь могильника ещё распахивалась, а значит, сохранившиеся насыпи и пятна были заметны, удалось бы избежать совершенно бездарной работы по поиску этих объектов спустя годы и за счёт колоссальной концентрации сил, в том числе студентов-практикантов. В конце концов, даже если в течение первых двух

лет исследования могильника у с. Глиное было объективно трудно осознать проблему поиска новых объектов, никто не мешал Е. В. Яровому уже в 1997—1998 гг. изыскать крайне незначительные средства для распашки поля, тем более что оно было выведено из севооборота администрацией Слободзейского района ПМР для производства археологических исследований. Тем не менее, истинный «профессионал» Е. В. Яровой либо не додумался до такого очевидного решения, либо посчитал его слишком затратным. Впрочем, после того, как сотрудниками экспедиции за свой счёт была проведена распашка и выявлены новые объекты в 2000 г. и в 2001 г., Е. В. Яровой не стеснялся рапортовать руководству ПГУ им. Т. Г. Шевченко об увеличении темпов производства археологических работ.

На протяжении всего времени своего «руководства» экспедицией у с. Глиное Е. В. Яровой осознанно игнорировал элементарные требования техники безопасности при проведении археологических работ. К 2003 г. территория, на которой располагался могильник у с. Глиное, включала в себя 76 незасыпанных раскопов с глубокими провалами от входных ям и погребальных камер катакомб, а также 12 раскопов, в разное время разбитых над «ложными курганами» (рис. 11). Здесь нужно обратить особое внимание, что на могильнике располагается коррекционная школа-интернат, территория которой до 2003 г. была огорожена только с одной стороны, примыкающей к шоссе Тирасполь — Днестровск. С учётом специфики обучаемых в этой школе детей (с 1 по 9 класс), которые свободно передвигались не только по территории учебного учреждения, но и по всему селу, глубокие незасыпанные ямы представляли реальную опасность для их жизни и здоровья. Такую же опасность эти ямы представляли для пастухов и выпасаемой ими домашней скотины, поскольку сразу после выведения площади могильника из севооборота его территория стала использоваться сельчанами как пастбище (рис. 12).

Е. В. Яровой не обращал внимание и на другой аспект этой проблемы — экологический. Многочисленные ямы и просто раскопы, располагавшиеся на окраине села и вдоль просёлочных дорог, практически сразу после начала исследования могильника у с. Глиное стали использоваться сельчанами для «бесплатного» сбрасывания бытового и строительного мусора, а также трупов павших домашних животных. Также местными жителями некоторые раскопы были превращены в котлованы для незаконной добычи глины, которая в селе активно используется в качестве строительного материала. Крупнейший из подобных котлованов был устроен на недоисследо-

Рис. 11. Незасыпанные раскопы над катакомбами могильника у с. Глиное в 2005 г. (спутниковый фотоснимок www.geoportal.md. Дата обращения 05.12.2015).

Fig. 11. Unfilled excavations areas over the catacombs of the Glinoe cemetery in 2005 (satellite photo www.geoportal.md. Accessed 05.12.2015).

ванном кургане 1, при добыче глины использовались даже экскаваторы. Многократные обращения сотрудников экспедиции, которые, в отличие от Е. В. Ярового, всё это видели своими глазами, приводили только к одному ответу негодующего

Рис. 12. Фотографии некоторых незасыпанных раскопов могильника у с. Глиное 1995—2003 гг.: 1 — курган 1 (1995 г.); 2 — курган 14 (1997 г.); 3 — курган 31 (1999 г.); 4 — курган 41 (2000 г.); 5 — курган 47 (2000 г.); 6 — курган 48 (2001 г.).

Fig. 12. Photos of some unfilled excavations areas of the Glinoye cemetery 1995—2003: 1 — barrow 1 (1995); 2 — barrow 14 (1997); 3 — barrow 31 (1999); 4 — barrow 41 (2000); 5 — barrow 47 (2000); 6 — barrow 48 (2001).

«начальника» — когда придёт время, бульдозером на всей площади могильника будет проведена рекультивация почвенного слоя. Разумеется, если бы на раскопках использовалась тяжёлая техника, если бы курганы сразу и полностью исследовались, а затем, разумеется, планировались места раскопов, эта проблема не могла бы даже возникнуть. В этом смысле могильник у с. Глиное является наглядным примером того, как может быть уничтожен не только археологический памятник, но создана серьёзная экологическая проблема.

Однако вернёмся к «методической» составляющей деятельности Е.В. Ярового, связанной с могильником у с. Глиное.

По результатам раскопок 1995 г. в архив ПГУ им. Т.Г. Шевченко был сдан «Отчёт о научно-исследовательской работе НИЛ «Археология» за 1995 год по теме №3-92 «Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Приднестровья»» (авторы Е.В. Яровой, И.А. Четвериков), в котором дано описание первых 43 погребений кургана 1 и частично описаны сооружения скифского кургана 2 могильника у с. Глиное. В тексте

этого отчёта (№167; датирован 1996 г.), сданного в архив только 12 декабря 1998 г., нет ни слова о том, что оба кургана не были исследованы полностью, нет в этом отчёте ни одной фотографии. Последнее обстоятельство объясняется тем, что в экспедиции на могильнике у с. Глиное не было даже фотоаппарата, хотя это, не такое уж дефицитное, «оборудование», во-первых, было у Е.В. Яровой, а во-вторых, его можно было приобрести без каких бы то ни было сложностей за счёт университета.

За 1996 г. никакого отчёта по раскопкам подготовлено не было.

По итогам полевого сезона 1997 г. был написан «Отчёт о полевых исследованиях Днестровской археологической экспедиции ПГУ у с. Глиное Слободзейского района ПМР в 1997 году» (авторы Е.В. Яровой, И.А. Четвериков), в котором приводится описание частично исследованных комплексов. Отчёт снабжён только весьма схематичными чертежами погребений и сводными таблицами инвентаря (по различным категориям). Нет в отчёте ни одной фотографии. Отчёт (№345; датирован 1998 г.) был сдан на хранение в архив 27 декабря 2000 г.

Сведения о раскопках могильника у с. Глиное в 1998 г. содержатся в «Отчёте о научно-исследовательской работе научно-исследовательской лаборатории «Археология» по теме «Приднестровье как контактная зона археологических культур»» (автор Е.В. Яровой). Отчёт содержит описание частично исследованных катакомб, некоторые планы курганов, нарисованные абсолютно произвольно, а также чертежи некоторых погребений. Фотографии, а также рисунки инвентаря отсутствуют. Последнее вызывает недоумение, поскольку в 1998 г. в НИЛ «Археология» был принят на работу высокопрофессиональный художник и реставратор Г.М. Зыков (1931—2013). Отчёт (№434; датирован 1999 г.) был сдан на хранение в архив 26 декабря 2000 г., т.е. днём ранее, чем отчёт за 1997 г.

Раскопки могильника у с. Глиное 1999 г. нашли своё отражение только в заключительном административном отчёте по теме «Приднестровье как контактная зона археологических культур» за 1997—2001 гг. (автор Е.В. Яровой). В нём описываются основные погребальные сооружения курганов 31, 33, 35, 37. Этот отчёт (№662; датирован 2001 г.), сданный в архив 16 мая 2002 г., содержит также описание погребений из двух курганов 2000 г. (№№38, 44) и из трёх курганов 2001 г. (№№49, 50, 63). Никакой другой информации в данном отчёте не содержится. Раскопки могильника у с. Глиное в 2000 г. просто упоминаются в кратком (17 стр.) административном отчёте (автор Е.В. Яровой) за указанный год о научно-

исследовательской работе НИЛ «Археология» по теме «Приднестровье как контактная зона археологических культур» (№566; датирован 2000 г.), сданном в архив 8 мая 2002 г., т.е. за восемь дней до того, как был сдан заключительный отчёт по теме за 1997—2001 гг. В этом отчёте (на стр. 4—5) упоминаются и раскопки двух курганов группы «Чобручи-источник» в 2000 г. (Четвериков, Синика, 2009), полевой отчёт об исследованиях которых так и не был подготовлен.

Материалы раскопок могильника у с. Глиное 2002 г., так же, как и 2000 г., только упоминаются в кратком (16 стр.) административном отчёте (автор Е.В. Яровой) за указанный год о научно-исследовательской работе НИЛ «Археология» по теме «Новые археологические культуры Приднестровья» (№788; датирован 2002 г.), сданном в архив 19 июня 2003 г. Этот совершенно «пустой» отчёт примечателен только одним предложением, которое в полной мере характеризует подход Е.В. Яровой к археологическим исследованиям. «С 1995 по 2002 гг. у с. Глиное Днестровской экспедицией было раскопано около 70 курганных насыпей, что является одним из лучших показателей среди научных учреждений на постсоветском пространстве» (стр. 5 указанного отчёта). Во-первых, автор отчёта не указал точное количество курганов (не знал? пытался округлить?), а во-вторых, делал акцент именно на количественном, а не на качественном аспекте.

Разумеется, отчёта по раскопкам 2003 г. на могильнике у с. Глиное быть не могло, поскольку Е.В. Яровой прекратил проведение и студенческой практики, и экспедиции.

Завершая эту часть нашего повествования, подчеркнём, что создавать подобного рода отчёты в Приднестровье Е.В. Яровой стал как минимум за три года до начала исследований могильника у с. Глиное. Именно он возглавил раскопки трёх курганов, которые были исследованы у пгт. Слободзея в 1992 г. Один из этих курганов, киммерийский, был опубликован им в виде монографии в сборнике к своему собственному 50-летию (Яровой и др., 2002). Два других, вероятно, возведённых в эпоху бронзы, не опубликованы до настоящего времени. Однако отчёт, на который ссылается Е.В. Яровой по тексту (Яровой и др., 2002, 290), и который указан в списке архивных материалов в указанной монографии как сданный в архив Приднестровского государственного университета (Яровой и др., 2002, 341), в этом самом архиве отсутствует. Был ли этот отчёт когда-либо подготовлен или нет, а если был, то где находится, нам неизвестно. В любом случае Е.В. Яровой, как начальник экспедиции 1992 г., несёт пол-

ную ответственность за сложившуюся ситуацию, а именно за полную утрату научной информации, которая, будучи археологической, является всегда уникальной.

Гораздо более «тёмная» история произошла с курганом, раскопки которого также были проведены под руководством Е. В. Ярового в 1994 г. у с. Мокра Рыбницкого района ПМР. Отчёт о раскопках этого кургана (Е. В. Яровой. Отчёт о полевых исследованиях Днестровской археологической экспедиции ПГКУ у с. Мокра Рыбницкого района ПМР в 1994 г.; стр. 1—11, рис. 1—3), хранящийся в архиве ПГУ им. Т. Г. Шевченко (б/н; датирован 1995 г., сдан на хранение в 1995 г.), является подложным. В нём содержится описание кургана эпохи бронзы, якобы исследованного у с. Мокра, в котором было обнаружено 11 захоронений. Однако данная информация совершенно не соответствует действительности. Один из авторов настоящей работы, И. А. Четвериков, являлся непосредственным участником той экспедиции, впрочем, как и А. В. Субботин, незавершённый полевой дневник которого сохранился в НИЛ «Археология» ПГУ им. Т. Г. Шевченко. Сведения из полевого дневника (а там сохранились описания первых восьми погребений в кургане у с. Мокра) противоречат тому, что указано в отчёте Е. В. Ярового за 1995 г. Кроме того, «профессионал» в своей собственной монографии, перечисляя черноморовские погребения южной зоны Среднего Днестра, указывает среди них погребение 1/16 из кургана у с. Мокра (Яровой и др., 2002, 287), ссылаясь при этом на свой отчёт 1994 г. (Яровой и др., 2002, 341), упомянутый нами выше, в котором просто не содержится погребения с номером 16. Из киммерийского погребения из кургана у с. Мокра в Музее археологии Поднестровья в настоящее время хранятся только два лепных сосуда. Также в Музее сохранились два сосуда из погребений эпохи бронзы и антропологические материалы из кургана у с. Мокра, зашифрованные лично Е. В. Яровым. Эти шифры, среди прочего, подтверждают фальсификацию отчёта о раскопках.

Здесь нам остаётся только констатировать, что указанные «методики» раскопок курганов, а также характер тех «отчётов», которые сдавались на протяжении десяти лет (1992—2002 гг.) как нельзя лучше характеризуют «профессионала» Е. В. Ярового.

Также весьма «высокопрофессиональным» можно назвать отношение Е. В. Ярового к вещевому материалу из скифских погребений могильника у с. Глиное. Иногда, когда «начальник» приезжал на раскоп, он забирал вещи ещё до завершения расчистки погребальных камер катакомб, изымал лепные сосуды и другие находки, ставя

в нелепое положение своих подчинённых, которым в результате приходилось рисовать предметы на плане погребения «по памяти», по этой же причине не было возможности сделать полные фотографии камер. Большинство находок вообще не было зашифровано. Находки не описывались и, как правило, не зарисовывались. Лепные керамические сосуды (миски, курительницы и др.), крупные железные изделия (наконечники копий и топоры) и целый ряд других находок практически не реставрировались. И это при том, что Г. М. Зыков, работавший с 1998 г. в НИЛ «Археология», являлся, как мы уже упоминали, высокопрофессиональным художником и реставратором. И без того плачевная ситуация была усугублена появившимся с 2001 г. «увлечением» Е. В. Ярового к созданию «ожерелий», в которые «начальник» включал стеклянные и металлические изделия из различных микрогрупп находок из одного погребения (например, различных бусиных браслетов) и из разных погребений могильника у с. Глиное. В то же время «профессионал» считал возможным раздаривать «нужным людям» различные вещи из скифских захоронений могильника у с. Глиное. В частности, достоверно известно, что несколько глазчатых бус были подарены В. Г. Дроздовскому, предоставившему в 2000 г. бульдозер для работы экспедиции. В 2003 г. документально был зафиксирован факт отсутствия в НИЛ «Археология» чернолакового светильника из могильника у с. Глиное, обнаруженного в погребении 2/2. В самом плачевном состоянии находились наиболее хрупкие материалы из раскопок (антропологические и археозоологические), часть которых была утеряна безвозвратно.

Полная дезорганизация материалов, полученных при исследовании могильника у с. Глиное, объясняется просто — за все годы его исследования под руководством «профессионала» Е. В. Ярового не было сделано ни одной полевой описи. Как следствие, ни одна вещь не была передана на хранение в открытый 1 марта 1997 г. Музей археологии Поднестровья (приказ ректора ПГУ им. Т. Г. Шевченко №80 от 10 марта 1997 г.). Согласно приказу, Е. В. Яровой был назначен научным руководителем Музея, в его обязанности было поставлено: 1) в срок до 1 мая 1997 г. подготовить для утверждения тематико-экспозиционный план Музея; 2) передать на хранение и обработку археологические коллекции из НИЛ «Археология» в Музей; 3) зарегистрировать «Положение о Музее археологии Поднестровья» в Республиканском управлении культуры ПМР. Разумеется, передавать находки «самому себе» Е. В. Яровой не стал, не выполнил он и остальные пункты приказа.

Несмотря на всё перечисленное, с 1992 г. по 2001 г. Е.В. Яровой, будучи весьма тонким психологом, один внешний вид которого не мог позволить никому усомниться в его академической принадлежности, пользовался абсолютным доверием руководства ПГУ им. Т.Г. Шевченко. Немалую роль в этом сыграл тот факт, что Е.В. Яровой при любом случае старался привлечь к археологическим исследованиям максимальное количество различных средств массовой информации. Не отрицая необходимости популяризации исторического знания, в том числе за счёт крайне привлекательных в этом смысле археологических раскопок и находок, подчеркнул, что Е.В. Яровой старался окружить себя журналистами для создания, в первую очередь, своего собственного образа — единственного настоящего археолога в Приднестровской Молдавской Республике и «отца-основателя» приднестровской школы археологии. При этом студенты ПГУ им. Т.Г. Шевченко, проявлявшие интерес к дальнейшему изучению археологии даже после прохождения «блестящих» практик на могильнике у с. Глиное, рассматривались Е.В. Яровым только как бесплатная и безропотная рабочая сила, зависящая от «начальника» в том числе и потому, что последний являлся преподавателем в университете. Никаких других перспектив у студентов не было. Также показательно, что за всё время руководства Е.В. Яровым НИЛ «Археология» ПГУ им. Т.Г. Шевченко ни один из её сотрудников не только не защитил диссертацию, но даже не стал аспирантом/соискателем.

Тем не менее, с 2002 г. ситуация стала меняться, поскольку характер деятельности Е.В. Ярового на должности заведующего НИЛ «Археология», уже давно очевидный для его подчинённых, не мог остаться незамеченным руководством ПГУ им. Т.Г. Шевченко. Именно поэтому в 2002 г. не была открыта экспедиция и не были выделены средства для финансирования археологических исследований могильника у с. Глиное. От более серьёзных последствий в 2002 г. Е.В. Ярового «спасла» необходимость проведения упомянутой выше международной археологической конференции, которая была запланирована несколькими годами ранее.

Однако уже 22 апреля 2003 г. приказом ректора по ПГУ им. Т.Г. Шевченко (№338-ОД) была образована инвентаризационная комиссия, целью которой стали учёт и сверка фондов Музея археологии Поднестровья. С начала работы комиссия столкнулась с тем фактом, что в музее, работавшем уже шесть лет, отсутствует не только тематико-экспозиционный план и Положение о работе музея, но и нет ни одного докумен-

та, свидетельствующего о передаче на постоянное хранение коллекций не только из могильника у с. Глиное, но и других археологических памятников, исследования которых проводились под руководством Е.В. Ярового. В такой ситуации пришлось осуществлять инвентаризацию не Музея археологии Поднестровья, а собственно НИЛ «Археология». Эта работа была проведена с 30 июня по 4 августа 2003 г. Её итогом стало составление описи археологических материалов на 61 листе, в которую было включено 1817 наименований, содержавших 19001 находку. В справке по итогам работы данной комиссии были отмечены следующие факты: 1) отсутствие всей необходимой полевой документации в НИЛ «Археология»; 2) отсутствие бронзовых предметов упряжи из киммерийского кургана, раскопанного Е.В. Яровым в 1992 г. и опубликованного в 2002 г. (Яровой и др., 2002); 3) отсутствие чернолакового светильника из кургана 2 скифского могильника у с. Глиное (раскопки 1996 г.); 4) отсутствие черепа индивидуума, обнаруженного в кургане 14 могильника у с. Глиное (раскопки 1997 г.); 5) отсутствие шифров на большинстве находок из раскопок могильника у с. Глиное (1995—2002 гг.). Также в данном документе содержится указание, что Е.В. Яровой сдавал изделия из драгоценных металлов на специальное хранение в четыре приёма, причём в ходе проведения инвентаризации. Оказалось, что Е.В. Яровой хранил все эти предметы у себя дома и возвращал их только после того, как его подчинённые сообщали членам комиссии, какие именно предметы из драгоценных металлов в очередной раз сданы не были.

«Профессионал» Е.В. Яровой не выдержал такого «чудовищного» давления со стороны руководства ПГУ им. Т.Г. Шевченко и через неделю после завершения работы комиссии, 15 августа 2003 г., прервал проведение археологической практики студентов 1 курса исторического факультета на могильнике у с. Глиное, а в сентябре — уволился «по собственному желанию». Остаётся только сожалеть, что руководство ПГУ им. Т.Г. Шевченко, очевидно, во избежание огласки сложившейся ситуации, не уволило Е.В. Ярового «по статье».

Несмотря на это, раскопки могильника у с. Глиное были продолжены. Уже в ноябре 2003 г. ректором ПГУ им. Т.Г. Шевченко С.И. Берилом на должность заведующего НИЛ «Археология» был приглашён один из авторов настоящей работы — Н.П. Тельнов. С этого времени одной из главных задач НИЛ «Археология», наряду с другими, стала чистка «авгиевых конюшен», оставленных Е.В. Яровым на могильнике у с. Глиное.

Ещё в 2003 г. Н.П. Тельнов принимает решение провести раскопки ранее не исследовавшихся курганов на могильнике у с. Глиное с целью составить полное представление о той ситуации, которая сложилась на этом археологическом памятнике, и найти возможные пути выхода из неё. Напомним, что в 2003 г. было выявлено 15 курганов, и только семь из них были частично исследованы. Таким образом, проблема поиска объектов исследования не стояла.

В 2004 г. приказом по ПГУ им. Т.Г. Шевченко была открыта Днестровская археологическая экспедиция, работавшая в июле и августе. В ней приняли участие заведующий НИЛ «Археология», кандидат исторических наук Н.П. Тельнов (начальник), старший научный сотрудник НИЛ «Археология» И.А. Четвериков, научный сотрудник НИЛ «Археология» С.А. Фидельский, младший научный сотрудник НИЛ «Археология» П.Ф. Новицкий (выпускник исторического факультета ПГУ им. Т.Г. Шевченко 1999 г.), младший научный сотрудник НИЛ «Археология» В.С. Синика (выпускник исторического факультета ПГУ им. Т.Г. Шевченко 2003 г.), студенты 4 курса исторического факультета ПГУ им. Т.Г. Шевченко А.В. Гуцул, А.Н. Бабчинский, М.В. Барабан, водитель В.М. Костецкий (рис. 13/1—3). В июле на могильнике была проведена двухсменная археологическая практика студентов 1 курса исторического факультета ПГУ.

С этого времени и до завершения исследований на могильнике у с. Глиное раскопки стали осуществляться в соответствии с общепринятыми требованиями существующей полевой методики археологических исследований. Курганные пятна и насыпи исследовались полностью. Сразу же после завершения раскопок все изученные катакомбы и раскопы засыпались, таким образом осуществлялась рекультивация. В ходе экспедиций велись полевые дневники, составлялись описи находок, последние шифровались и упаковывались. Погребальные конструкции фотографировались на всех этапах исследования. После завершения экспедиций подготавливались полевые отчёты, содержащие полное описание погребальных комплексов и инвентаря, соответственно, их чертежи и рисунки, а также фотографии. Отчёты сдавались на постоянное хранение в архив Музея археологии Поднестровья, который с 2003 г. был выведен из подчинения НИЛ «Археология». Туда же, согласно полевым описям, передавались на постоянное хранение материалы из раскопок могильника у с. Глиное, при этом составлялись соответствующие акты, которые визирует, помимо заведующего НИЛ «Археология» и ди-

ректора Музея, декан исторического факультета ПГУ им. Т.Г. Шевченко И.Н. Галинский.

С 2004 г. транспорт (автомашина «ГАЗель»), выделяемый ПГУ им. Т.Г. Шевченко для обслуживания экспедиций, постоянно находился непосредственно возле места проведения раскопок. За счёт средств университета арендовался частный дом в с. Глиное, где проживали все сотрудники без исключения.

В 2004 г. исследования на могильнике у с. Глиное велись вручную. При этом, несмотря на значительную трудоёмкость, размеры раскопов (от 100 м² до 196 м²) всегда значительно превосходили диаметры курганных пятен (рис. 13/1).

Всего в 2004 г. было раскопано шесть скифских курганов (77—82) с десятью погребениями. Шесть из них были основными (77/1, 78/3, 79/1, 80/1, 81/2, 82/1), ещё четыре — впускными (78/1, 78/2 (рис. 13/4), 81/1, 81/3).

Научная оценка материалов, полученных в ходе раскопок 2004 г., а также детальный осмотр территории могильника, представлявшего впечатляющую своим безобразием картину, заставили Н.П. Тельнова принять важнейшее решение. Оно, несмотря на все трудности, казавшиеся тогда просто непреодолимыми, заключалось в необходимости продолжить исследования могильника у с. Глиное, изучая не только очередные курганы, но и доисследуя те, раскопки которых были начаты в 1995—2003 гг.

Для реализации данного решения были мобилизованы все ресурсы НИЛ «Археология». Перед И.А. Четвериковым, который принимал участие в раскопках могильника с самого начала его исследований (с 1995 г.), была поставлена задача поэтапного описания ранее исследованных комплексов. Благо, что И.А. Четвериков на протяжении всех предшествующих лет не только зачерчивал изученные погребальные конструкции, но и ежегодно вёл полевые дневники, содержавшие весьма детальное описание конструкций, расположения погребального инвентаря и т.д. С этого времени художнику и реставратору Г.М. Зыкову пришлось не только работать с материалами из новых раскопок, но и рисовать и реставрировать находки из раскопок могильника у с. Глиное 1995—2003 гг. Он же делал графические реконструкции орнаментации погребальных камер, а также реконструкции изображений, зафиксированных вокруг устьев и над входами в дромосы катакомб. Также была поставлена задача навести порядок с происхождением тех или иных находок из различных погребальных комплексов. Начинается процесс шифровки вещей и, в случае необходимости, их упаковки. Особые сложности возникли при разборе созданных Е.В. Яровым в 2001—2002 гг. «ожерелий»

Рис. 13. Раскопки могильника у с. Глиное в 2004 г.: 1 — участники экспедиции на раскопе кургана 81: слева направо — В.М. Костецкий, В.С. Синика, Н.П. Тельнов, А.Н. Бабчинский, И.А. Четвериков, А.В. Гуцул, М.В. Барабан; 2 — Н.П. Тельнов во входной яме погребения 77/1; 3 — Н.П. Тельнов (слева) и И.А. Четвериков (справа) при выборке впускной входной ямы захоронения 79/1; 4 — погребение 78/2 после расчистки.

Fig. 13. Excavations of the Glinoe cemetery in 2004: 1 — participants of the expedition on the dig of barrow 81: from left to right — V.M. Kostetskij, V.S. Sinika, N.P. Telnov, A.N. Babchinskij, I.A. Chetverikov, A.V. Gutsul, M.V. Baraban; 2 — N.P. Telnov in the entrance well of burial 77/1; 3 — N.P. Telnov (left) and I.A. Chetverikov (right) extracting the filling of the secondary entrance well of burial 79/1; 4 — burial 78/2 after cleaning.

из различных комплексов. Однако и эта нелёгкая работа была выполнена, хотя на неё, равно как и на всё перечисленное выше, ушли годы.

Часть этой работы была осуществлена в 2005 г., когда раскопки на могильнике у с. Глиное не проводились, и это решение было совершенно обоснованным. Было ясно, что научный анализ и публикация могильника у с. Глиное никогда не станет максимально полной без учёта уже имеющихся материалов из раскопок 1995—2003 гг. и тех данных, которые, по расчётам авторского коллекти-

ва настоящей монографии, безусловно, ещё содержались в них. Как показал весь ход дальнейших исследований могильника, мы не ошиблись в своих расчётах.

В 2006 г. раскопки на могильнике у с. Глиное были начаты в июне и завершены в сентябре. В экспедиции работали заведующий НИЛ «Археология», кандидат исторических наук Н.П. Тельнов (начальник), старший научный сотрудник НИЛ «Археология» И.А. Четвериков, научный сотрудник НИЛ «Археология»

Рис. 14. Раскопки могильника у с. Глиное в 2006 г.: 1 — студенты-практиканты на доисследовании кургана 74; 2 — обнаружение пятна входной ямы погребения 74/2 при доисследовании; 3 — участники экспедиции А.В. Денискин (крайний слева), Н.П. Тельнов (второй слева) и И.А. Четвериков (справа) после раскопок погребения 2, обнаруженного при доисследовании кургана 73; 4 — исследование кольцевого рва кургана 70, раскопки которого были начаты в 2003 г.

Fig. 14. Excavations of the Glinoe cemetery in 2006: 1 — students-practicants during supplementary excavations of barrow 74; 2 — discovery of the spot of the entrance well of burial 74/2 during supplementary excavations; participants of the expedition A.V. Deniskin (leftmost), N.P. Telnov (second from the left) and I.A. Chetverikov (right) after excavations of burial 2, which was found during supplementary excavations of barrow 73; 4 — excavations of the circular ditch of barrow 70; the dig started in 2003.

С.А. Фидельский, младший научный сотрудник НИЛ «Археология» В.С. Синика, водитель А.В. Денискин. В июле на могильнике была проведена двухсменная археологическая практика студентов 1 курса исторического факультета ПГУ (рис. 14/1).

В 2006 г. было исследовано вручную только два новых кургана (83, 84), в которых были обнаружены два основных (83/1, 84/1) и одно впускное (84/2) погребения. Раскопки этих насыпей были проведены в первую очередь для того, чтобы студенты-практиканты имели возможность принять участие в исследованиях от начала и до конца — от разбивки раскопа и до расчистки всех погребальных сооружений.

Также в 2006 г. было вручную доисследовано 11 курганов, раскопки которых были начаты

в 2002—2003 гг. (№№ 66—76). Процесс доисследования оказался весьма сложным: вначале приходилось вручную засыпать входную яму, если такая возможность существовала (если не была забита мусором), с целью частичного удаления отвалов; оставшаяся часть отвалов выносилась за пределы раскопов, размеры которых значительно превышали размеры «квадратов» предшествующих лет; при этом было необходимо оставлять хотя бы один угол ранее исследованного сооружения для потенциальной привязки вновь выявленных объектов (рис. 14/2). Несмотря на трудоёмкость доисследования, его результаты превзошли все наши ожидания. Так, в курганах 66 (2002 г.), 68 (2002 г.), 69 (2002 г.), 73 (2003 г.), 74 (2003 г.) было обнаружено по одному впускному погребению (66/2, 68/2, 69/2, 73/2 (рис. 14/3),

Рис. 15. Раскопки могильника у с. Глиное в 2007 г.: 1 — студенты-практиканты разбивают раскоп на кургане 85; 2 — И.А. Четвериков после расчистки погребения 2 кургана 41, исследования которого были начаты в 2000 г.; 3 — А.В. Корецкий после расчистки погребения 2 кургана 34, исследования которого были начаты в 1999 г.; 4 — В.С. Синика после расчистки погребения 2 кургана 33, исследования которого были начаты в 1999 г.; 5—7 — погребения, выявленные в курганах, исследование которых было начато в 2000 г. (№№ 38 и 39) и 2001 г. (№ 56).

Fig. 15. Excavations of the Glinoe cemetery in 2007: 1 — students outlining the dig area above barrow 85; 2 — I.A. Chetverikov after cleaning burial 2 of barrow 41, the dig started in 2000; 3 — A.V. Koretskiy after cleaning burial 2 of barrow 34, the dig started in 1999; 4 — V.S. Sinika after cleaning burial 2 of barrow 33, the dig started in 1999; 5—7 — burials found in barrows, there the dig started in 2000 (no. 38 and 39) and 2001 (no. 56).

74/2), а в кургане 75 (2003 г.) было найдено два впускных комплекса (75/2, 75/3). В кургане 71 (2003 г.) была исследована впускная входная яма

погребения 71/1, а в кургане 70 (2003 г.) — кольцевой ров (рис. 14/4). Тризны были обнаружены в четырёх курганах — 66 (2002 г.), 68 (2002 г.), 69

(2002 г.) и 71 (2003 г.). Таким образом, в курганах, частично исследованных в 2002—2003 гг., было выявлено и изучено 13 объектов: семь погребений, одна впускная входная яма, один кольцевой ров и четыре отдельных тризны.

В 2007 г. Днестровская археологическая экспедиция работала с июня по сентябрь в следующем составе: заведующий НИЛ «Археология», кандидат исторических наук Н.П. Тельнов (начальник), старший научный сотрудник НИЛ «Археология» И.А. Четвериков, младший научный сотрудник НИЛ «Археология» В.С. Синика, младший научный сотрудник НИЛ «Археология» А.В. Корецкий, водитель М.Е. Мигалаш. В июле на могильнике началась очередная археологическая практика студентов 1 курса отделения «История» Института истории, государства и права ПГУ им. Т.Г. Шевченко, однако из-за экстремальной жары во второй декаде июля проведение практики было продолжено на средневековой крепости в г. Бендеры.

В 2007 г., проанализировав трудозатраты 2004 г. и 2006 г. на исследование вручную новых курганов и доисследование, Н.П. Тельнов обратился к руководству ПГУ им. Т.Г. Шевченко за помощью в выделении средств на аренду тяжёлой землеройной техники (бульдозер ДТ-75). Требуемая помощь была оказана, что сказалось положительно, в первую очередь, на ходе доисследования курганов, частично изученных в 1999—2001 гг. Также в июне, до начала студенческой археологической практики, была проведена распахка на небольшом участке в южной части могильника, где до этого был частично изучен только курган 53 (1999 г.). Здесь были обнаружены семь новых скифских курганов (№№85—91), в исследовании которых принимали участие студенты-практиканты (рис. 15/1).

В итоге, в этих курганах были обнаружены 14 погребений, семь из которых были основными (85/1, 86/1, 87/1, 88/1, 89/1, 90/1, 91/1), а ещё семь — впускными (85/2, 85/3, 87/2, 88/2, 89/2, 89/3, 91/2).

Не менее результативными оказались работы по доисследованию 35 курганов из раскопок 1999—2001 гг. (№№31—65). В их ходе (с июня по сентябрь) в курганах 33 (1999 г.), 34 (1999 г.), 35 (1999 г.), 38 (2000 г.), 39 (2000 г.), 41 (2000 г.), 46 (2000 г.), 52 (2001 г.) было обнаружено по одному впускному погребению (33/2 (рис. 15/4), 34/2 (рис. 15/3), 36/2, 38/3 (рис. 15/5), 39/2 (рис. 15/6), 41/2 (рис. 15/2), 46/4, 52/2), а в курганах 35 (1999 г.) и 56 (2001 г.) было найдено по два впускных комплекса (35/2, 35/3, 56/2 (рис. 15/7), 56/3). В кургане 60 (2001 г.) была исследована основная входная яма впускного погребения 60/2, а в кургане 62 (2001 г.) — основная входная яма основного захо-

ронения 62/1. В двух курганах (59, 64 — исследования обоих начаты в 2001 г.) были раскопаны впускные входные ямы основных погребений (59/1, 64/1). В кургане 61 (2001 г.) были исследованы и погребальная камера, и впускная входная яма основного и единственного захоронения 61/1. В курганах 34 (1999 г.), 41 (2000 г.) и 51 (1999 г.) были обнаружены и исследованы кольцевые рвы. Отдельные тризны были обнаружены в курганах 41 (2000 г.), 47 (2000 г.), 49 (2001 г.), 50 (2001 г.), 52 (2001 г.), 53 (1999 г.), 63 (2001 г.) и 65 (2001 г.). Таким образом, в курганах, частично исследованных в 1999—2001 гг., было выявлено и изучено 29 объектов: 12 погребений, пять входных ям, одна погребальная камера, три кольцевых рва и восемь отдельных тризн.

В 2008 г. раскопки могильника у с. Глиное были начаты Днестровской археологической экспедицией в июле и завершены в сентябре. В экспедиции работали заведующий НИЛ «Археология», кандидат исторических наук Н.П. Тельнов (начальник), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИЛ «Археология» В.С. Синика, старший научный сотрудник НИЛ «Археология» И.А. Четвериков (рис. 16/2), младший научный сотрудник НИЛ «Археология» А.В. Корецкий, водитель М.Е. Мигалаш. В июле на могильнике была проведена очередная археологическая практика студентов 1 курса отделения «История» Института истории, государства и права ПГУ им. Т.Г. Шевченко (рис. 16/1, 2).

Ещё до начала экспедиции НИЛ «Археология» ПГУ им. Т.Г. Шевченко посетили кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова А.Р. Канторович (февраль) и кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Крымского филиала Института археологии Национальной Академии наук (НАН) Украины Ю.П. Зайцев (март). Оба специалиста не только ознакомились *de visu* с коллекцией из могильника у с. Глиное, но и выехали на сам памятник, где ещё были видны незасыпанные раскопы 1995—1998 гг., оставшиеся после Е.В. Ярового. Доисследование курганов из раскопок этих годов стало первоочередной задачей Днестровской археологической экспедиции в 2008 г. Для этого ПГУ им. Т.Г. Шевченко вновь выделяет средства на аренду тяжёлой землеройной техники (бульдозер ДТ-75).

Кроме доисследования, с учётом необходимости проведения студенческой практики, были локализованы пять курганов. Один из них (курган 92) находился в непосредственной близости от строения бывшей МТБ-4, и был раскопан с помощью бульдозера. Три кургана (№№93—95) были исследованы вручную (раскопами от 100 м²

Рис. 16. Раскопки могильника у с. Глиное в 2008 г.: 1 — А.В. Корецкий (слева) и И.А. Четвериков (справа) вместе со студентами-практикантами держат амфору из погребения 3 кургана 6, исследования которого были начаты в 1996 г.; 2 — И.А. Четвериков описывает погребальное сооружение на базе экспедиции; 3—5 — погребения, выявленные в курганах, исследование которых было начато в 1997 г. (№№ 13 и 15).

Fig. 16. Excavations of the Glinoe cemetery in 2008: 1 — A.V. Koretskij (left) and I.A. Chetverikov (right) with students-practicants holding amphora from burial 3 of barrow 6, the dig started in 1996; 2 — I.A. Chetverikov describing the funerary construction on campus of the expedition; 3—5 — burials found in barrows, where the dig started in 1997 (no. 13 and 15).

до 186 м²), поскольку располагались на частных огородах сотрудников коррекционной школы-интерната, запретивших использование бульдо-

зера на их участках. Ещё один курган (№96) был обнаружен на территории интерната, к югу от водонапорной башни (R₃); этот курган, по согласо-

ванию с руководством интерната, был исследован тяжёлой техникой.

Всего в курганах, открытых и исследованных в 2008 г., было обнаружено десять скифских погребений, половина из которых были основными (92/1, 93/1, 94/1, 95/1, 96/1), а остальные — впускными (92/2, 93/2, 94/2, 94/3, 96/2).

При доисследовании курганов 1995—1998 гг., проводившемся с помощью тяжёлой техники, был обнаружен целый ряд ранее не изученных комплексов. В курганах 6 (1996 г.) и 15 (1997 г.) были найдены основные для насыпей захоронения (6/3, 15/2 (рис. 16/5)). В курганах 12 и 13 (оба 1997 г.) были обнаружены три впускных погребения (12/2, 13/2 (рис. 16/3), 13/3 (рис. 16/4)). Впускные входные ямы были изучены в курганах 2 (1995 г.), 7 (1996 г.), 16 (1997 г.), 27 (1998 г.), 29 (1998 г.), в каждом из случаев — в основных погребениях (2/2, 7/1, 16/1, 27/1, 29/1). В курганах 2 (1995 г.), 5 (1996 г.), 8 (1996 г.) и 14 (1997 г.), были исследованы кольцевые рвы. Тризны были найдены в курганах 3 (1996 г.), 7 (1997 г.), 10 (1997 г.), 11 (1997 г.), 16 (1997 г.), 20 (1998 г.), 22 (1998 г.) и 23 (1998 г.). Таким образом, в курганах, частично исследованных в 1995—1998 гг., было выявлено и изучено 22 объекта: пять погребений, пять входных ям, четыре кольцевых рва и восемь отдельных тризн.

В конце сентября кандидатом географических наук, доцентом кафедры общего землеведения естественно-географического факультета ПГУ им. Т.Г. Шевченко В.М. Кишляруком была проведена вторая топографическая съёмка могильника, существенно дополнившая результаты съёмки 2000 г. На обновлённый топографический план были нанесены и пять курганов (№№97—101), раскопки которых были проведены в 2009 г. и в 2010 г.

В полевом сезоне 2009 г. Днестровская археологическая экспедиция работала в июле. В это же время на памятнике проходила археологическая практика студентов 1 курса отделения «История» Института истории, государства и права ПГУ им. Т.Г. Шевченко. В экспедиции работали заведующий НИЛ «Археология», кандидат исторических наук Н.П. Тельнов (начальник), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИЛ «Археология» В.С. Синика, старший научный сотрудник НИЛ «Археология» И.А. Четвериков, младший научный сотрудник НИЛ «Археология» А.В. Корецкий, водитель М.Е. Мигалаш (рис. 17/1—3).

Раскопки, как и в 2008 г., велись вручную, поскольку все курганы (№№97—100) располагались на частных огородах сотрудников интерната. Ситуация была усложнена тем, что через курган 97 проходила труба — ответвление

от магистрального газопровода; причём западная пола кургана 97 оказалась недоступной для исследований из-за сетчатого ограждения и хозяйственных построек школы-интерната. Труба магистрального газопровода также пересекала курган 98, расположенный в непосредственной близости от шоссе Тирасполь — Днестровск. Самыми трудоёмкими оказались раскопки кургана 97, под насыпью которого находилась глубокая «аристократическая» катакомба. С целью соблюдения техники безопасности при исследовании погребальной камеры, находившейся прямо под трубой газопровода, были использованы мощные деревянные крепления (рис. 17/4).

Всего в курганах 2009 г. было изучено четыре основных погребения (97/1, 98/1, 99/1 (рис. 17/5), 100/1).

В 2010 г. Днестровская археологическая экспедиция работала с середины июня до начала августа. В ней приняли участие заведующий НИЛ «Археология», кандидат исторических наук Н.П. Тельнов (начальник), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИЛ «Археология» В.С. Синика, старший научный сотрудник НИЛ «Археология» И.А. Четвериков, младший научный сотрудник НИЛ «Археология» А.В. Корецкий, водитель М.Е. Мигалаш.

В течение полутора месяцев был исследован только один курган (№101) с двумя погребениями: основным (101/2) и впускным (101/1). Раскопки проводились вручную, поскольку курган находился на опытном сельскохозяйственном участке школы-интерната, на котором располагались оросительные трубы. К тому же на кургане сохранилась насыпь, что, разумеется, привело к увеличению не только трудозатрат, но и времени на его исследование.

9—12 августа 2010 г. эпиграфический и тарный материал из закрытых комплексов и тризн могильника Глиное был впервые изучен российскими учёными из Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского — доктором исторических наук, профессором С.Ю. Монаховым, кандидатом исторических наук, доцентом В.И. Кацем, старшим лаборантом Е.В. Кузнецовой и лаборантом Н.Б. Чурековой. Эта работа стала возможной на основании договора о сотрудничестве между Саратовским государственным университетом им. Н.Г. Чернышевского (РФ, г. Саратов) и Приднестровским государственным университетом им. Т.Г. Шевченко (ПМР, г. Тирасполь) от 15 июня 2010 г.

2011 г. значительно приблизил многолетние исследования могильника у с. Глиное к завершению. Днестровская археологическая экспедиция начала свою работу в середине июня и завершила в середине сентября. В экспедиции прини-

Рис. 17. Раскопки могильника у с. Глиное в 2009 г.: 1 — Н.П. Тельнов и студенты-практиканты на раскопе кургана 97; 2 — И.А. Четвериков (стоит) и В.С. Синика (сидит) перед началом фиксации впускной входной ямы погребения 97/1; 3 — А.В. Корецкий у входа в дромос погребения 99/1; 4 — В.С. Синика (стоит в яме) над камерой погребения 97/1 в момент установки креплений; 5 — погребение 99/1.

Fig. 17. Excavations of the Glinoe cemetery in 2009: 1 — N.P. Telnov and students on the excavation area of barrow 97; 2 — I.A. Chetverikov (sitting) and V.S. Sinika (standing) before starting the fixation of the secondary entrance well of burial 97/1; 3 — A.V. Koretskij near the entrance into the dromos of burial 99/1; 4 — V.S. Sinika (standing in the pit) above the chamber of burial 97/1 during the installation of holds; 5 — burial 99/1.

мали участие заведующий НИЛ «Археология», кандидат исторических наук Н.П. Тельнов (начальник), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИЛ «Археология» В.С. Синика, старший научный сотрудник НИЛ «Археология» И.А. Четвериков (рис. 19/6), водитель В.З. Юрчак. В июле на могильнике у с. Глиное была проведена археологическая практика студентов 1 курса отделения «История» Института истории, государства и права ПГУ им. Т.Г. Шевченко (рис. 19/2).

Раскопки 2011 г. были сосредоточены в северной части могильника, где нет никаких совре-

менных сооружений. С целью обнаружения объектов исследования была проведена распашка поля, приведшая к точной локализации 13 курганных пятен. Эти пятна, а также единственная сохранившаяся насыпь, были нанесены на ситуационный план могильника после топографической съёмки, которую провёл в июне кандидат географических наук, доцент кафедры общего землеведения естественно-географического факультета ПГУ им. Т.Г. Шевченко В.М. Кишлярук.

Использование бульдозера ДТ-75 (рис. 19/1) позволило в течение второй половины июня под-

Рис. 18. Раскопки могильника у с. Глиное в 2010 г.: 1 — И.А. Четвериков во входной яме погребения 101/2; 2 — погребение 101/1.

Fig. 18. Excavations of the Glinoe cemetery in 2010: 1 — I.A. Chetverikov in the entrance well of burial 101/2; 2 — burial 101/1.

готовить к исследованию погребальные сооружения восьми курганов (№№102—109), раскопки которых были проведены в июле (при помощи студентов-практикантов) и сентябре. Из выявленных 15 скифских погребений восемь были

основными (102/4, 103/1 (рис. 19/7), 104/1, 105/2 (рис. 19/10), 106/1, 107/3, 108/1, 109/1 (рис. 19/8)), а семь впускными (102/1, 102/2, 102/3, 103/2 (рис. 19/5), 105/1, 107/1, 107/2).

В раскопках курганов 103 и 104 принял участие кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии раннего железного века Института археологии НАН Украины С.В. Полин (рис. 19/3, 4). Он также имел возможность ознакомиться в Музее археологии Поднестровья ПГУ им. Т.Г. Шевченко с материалами, полученными в ходе исследований могильника у с. Глиное (рис. 19/9).

Немаловажным событием 2011 г., имеющим прямое отношение к исследованию могильника у с. Глиное и анализу материалов из него, стало заключение двух договоров о сотрудничестве. Первый из них был подписан 4 октября 2011 г., между Университетом им. А. Мицкевича (г. Познань, Польша) и ПГУ им. Т.Г. Шевченко. Согласно ему были запланированы исследования антропологического материала из могильника у с. Глиное. 24—30 ноября 2011 г. в НИЛ «Археология» работал антрополог из Института антропологии Университета им. А. Мицкевича, который провёл первичную оценку количества материала и степени его сохранности. 21 ноября 2011 г. был подписан Договор о сотрудничестве между Институтом археологии НАН Украины (г. Киев) и ПГУ им. Т.Г. Шевченко, который, в частности, предполагает возможность проведения археологических раскопок на территории ПМР с участием украинских коллег.

В 2012 г. исследования на могильнике у с. Глиное были начаты в апреле и завершены в июне. В экспедиции принимали участие заведующий НИЛ «Археология», кандидат исторических наук Н.П. Тельнов (начальник), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИЛ «Археология» В.С. Синика, старший научный сотрудник НИЛ «Археология» И.А. Четвериков, водитель В.З. Юрчак. Также в экспедицию, на основании упомянутого выше Договора о сотрудничестве с Институтом археологии НАН Украины, были приглашены три его сотрудника — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии энеолита — бронзового века С.Д. Лысенко, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела археологии энеолита — бронзового века С.Н. Разумов, младший научный сотрудник Отдела археологии Киева О.В. Манигда (рис. 20/1,2,4,5,9). В экспедиции работал и Е.Г. Карнаух, археолог из Киева. На основании Договора о сотрудничестве между университетом имени А. Мицкевича (Познань) и ПГУ им. Т.Г. Шевченко в экспедиции приняла

Рис. 19. Раскопки могильника у с. Глиное в 2011 г.: 1 — начало раскопок кургана 102 и обнаружение погребения; 2 — Н.П. Тельнов и студенты-практиканты на раскопках кургана 107; 3, 4 — С.В. Полин в с. Глиное и на раскопках погребения 103/2; 5 — захоронение 103/2; 6 — И.А. Четвериков в процессе расчистки погребения 103/1; 7 — захоронение 103/1; 8 — погребение 109/1; 9 — Н.П. Тельнов (слева), В.С. Синика (в центре), С.В. Полин в Музее археологии Поднестровья ПГУ им. Т.Г. Шевченко; 10 — погребение 105/2.

Fig. 19. Excavations of the Glinoe cemetery in 2011: 1 — beginning of the excavation of barrow 2 and discovery of a burial; 2 — N.P. Telnov and students-practicants on the excavation area of barrow 107; 3, 4 — S.V. Polin in Glinoe village and on the excavation of burial 103/2; 5 — burial 103/2; 6 — I.A. Chetverikov in the process of cleaning of burial 103/1; 7 — burial 103/1; 8 — burial 109/1; 9 — N.P. Telnov (left), V.S. Sinika (in the center), S.V. Polin in the Museum of Archaeology of the Dniester littoral of the Pridnestrovian State University; 10 — burial 105/2.

Рис. 20. Раскопки могильника у с. Глиное в 2012 г.: 1 — Е.Г. Карнаух (слева) и С.Н. Разумов (справа) во время доисследования кургана 1, раскопки которого были начаты в 1995 г.; 2 — Е.Г. Карнаух (слева), О.В. Манигда (в центре) и С.Д. Лысенко (справа) во время обеда на кургане 1; 3 — погребение 50 ямной культурно-исторической общности из кургана 1; 4 — С.Н. Разумов после расчистки захоронения 3 кургана 110; 5 — И.А. Четвериков (слева) и С.Д. Лысенко (справа) с амфорой из погребения 112/1; 6 — захоронение 111/3 (восточная камера); 7 — С. Лукашик (слева) и В.С. Синика (справа) на базе экспедиции; 8 — обработка антропологического материала антропологом С. Лукашик в экспедиции; 9 — С.Д. Лысенко (слева), Г.М. Зыков (в центре), В.С. Синика (справа) после доставки материалов на реставрацию в г. Тирасполь.

Fig. 20. Excavations of the Glinoe cemetery in 2012: 1 — E.G. Karnauh (left) and S.N. Razumov (right) during supplementary excavations of barrow 1, where the dig started in 1995; 2 — E.G. Karnauh (left), O.V. Manigda (in the center) and S.D. Lysenko (right) at lunch time on barrow 1; 3 — burial 50 of the Yamnaya cultural-historical community from barrow 1; 4 — S.N. Razumov after cleaning burial 3 of barrow 110; 5 — I.A. Chetverikov (left) and S.D. Lysenko (right) with an amphora from burial 112/1; 6 — burial 111/3 (eastern chamber); 7 — S. Łukasik (left) and V.S. Sinika (right) on campus of the expedition; 8 — anthropologist S. Łukasik working with anthropological material in the expedition; 9 — S.D. Lysenko (left), G.M. Zykov (in the center), V.S. Sinika (right) after bringing the finds for restoration in Tiraspol.

участие также польский антрополог С. Лукашик (рис. 20/7,8).

Целью раскопок могильника у с. Глиное в 2012 г. стало доисследование кургана 1, раскопки которого были начаты в 1995 г., исследование ещё одной сохранившейся насыпи, возведённой в эпоху бронзы (курган 110), а также раскопки пяти скифских курганных пятен (№№111—115), выявленных в 2011 г. Исследования всех объектов осуществлялось с помощью бульдозера ДТ-75.

В апреле был изучен курган эпохи бронзы (110), располагавшийся у северной границы могильника. В нём было выявлено десять погребений: четыре ямной культурно-исторической общности (110/3 (рис. 20/4), 110/4, 110/5, 110/8), два катакомбной культурно-исторической общности (110/1, 110/2), два позднего бронзового века (бабинской либо сабастиновской культуры) (110/6, 110/9), одно белозёрской культуры финала эпохи бронзы (110/7) и ещё одно — позднекочевническое (110/10) (Разумов и др., 2013, 318—324, рис. 14—18).

В мае и июне параллельно происходили доисследование кургана эпохи бронзы №1, а также раскопки скифских курганов №№111—115.

Доисследование стало возможным только после многодневной работы тяжёлой техники на кургане, в ходе которой удалось снять отвалы 1995 г., располагавшиеся в неисследованных северной, западной и восточной полках кургана. Для изучения западной и восточной пол кургана 1, с учётом степени разрушения его останцов под действием природных и антропогенных факторов, были разбиты II западная и II восточная бровки (рис. 20/1). В ходе доисследования кургана 1 были обнаружены ещё десять впускных погребений (№47—56): одно — ямной культурно-исторической общности (рис. 20/3), два — катакомбной культурно-исторической общности, одно — эпохи поздней бронзы, три средневековых кочевников и ещё три — XVIII в. Нет никаких сомнений, что ещё несколько погребений были уничтожены карьером по добыче глины, устроенным на месте кургана. Помимо этого, была обнаружена околокурганная кольцевая выемка и две отдельные находки — шлифовальная плита эпохи бронзы и фрагмент античной терракоты (Разумов и др., 2013, 298—318, рис. 1—13).

Исследования пяти скифских курганов привели к обнаружению семи скифских погребений, пять из которых были основными (111/3 (рис. 20/6), 112/1 (рис. 20/5), 113/1, 114/1, 115/1), а два — впускными (111/1, 111/2).

На этом исследования доступной раскопкам части скифского могильника у с. Глиное были завершены, подытоживая, таким образом, мно-

голетнюю «эпопею» раскопок этого памятника. Несомненно, десятки курганов могильника были полностью или частично уничтожены при сооружении шоссе, водонакопительного бассейна, автозаправочного комплекса, зданий бывшей МТБ-4 и коррекционной школы-интерната. В настоящее время и в обозримом будущем их исследование является невозможным. Нельзя также исключать, что какие-то насыпи по разным причинам не были выявлены и раскопаны. Однако мы можем констатировать, что приложили все усилия для поиска и исследования всех курганов, раскопки которых были возможны, а также для получения из них максимума научной информации.

Наибольшее значение имеет тот факт, что в 113 скифских курганах было обнаружено 181 скифское погребение, которые публикуются в настоящей работе. Также мы приводим описание и шести нескифских погребений, поскольку они, хотя и были опубликованы ранее (два сарматских (Фидельский, 2000), одно гуннское (Четвериков, Бубулич, 2005) и три позднекочевнических (Корецкий, 2008, 180—181, рис. 1/6—8)³), были впущены в насыпи скифских курганов.

В завершение изложения истории изучения могильника у с. Глиное считаем необходимым особо подчеркнуть вклад двух специалистов, без которых данная монография была бы, как минимум, менее информативной. Первый из них — сотрудник НИЛ «Археология» Геннадий Михайлович Зыков (1931—2013), член Союза художников СССР (с 1958 г.), Союза художников Приднестровья (с 1994 г.), Союза художников Республики Молдова (с 1996 г.). На протяжении многих лет Г.М. Зыков занимался реставрацией и восстановил сотни керамических и металлических изделий из могильника у с. Глиное. Им же были зарисованы многие тысячи находок из этого памятника и выполнены графические реконструкции орнаментов вокруг устьев дромосов и над ними, а также орнаментов дромосов и погребальных камер. Все его рисунки вошли в настоящую монографию, увековечивая память этого замечательного художника и человека.

Также на протяжении многих лет помощь сотрудникам НИЛ «Археология» оказывал, определяя каменный материал и различные минералы из комплексов могильника, доктор геолого-минералогических наук, профессор

³ Два кургана, сооружённые в позднеэнеолитическое время (№1) и в эпоху ранней бронзы (№110), уже введены в научный оборот (Разумов и др., 2013) так же, как и четыре безынвентарных позднекочевнических погребения, исследованных в 2001 г. у шоссе Тирасполь — Днестровск (Корецкий, 2008, 179—180, рис. 1/2—5).

Рис. 21. Геннадий Михайлович Зыков (1931—2013).

Fig. 21. Gennadij Mihailovich Zykov (1931—2013).

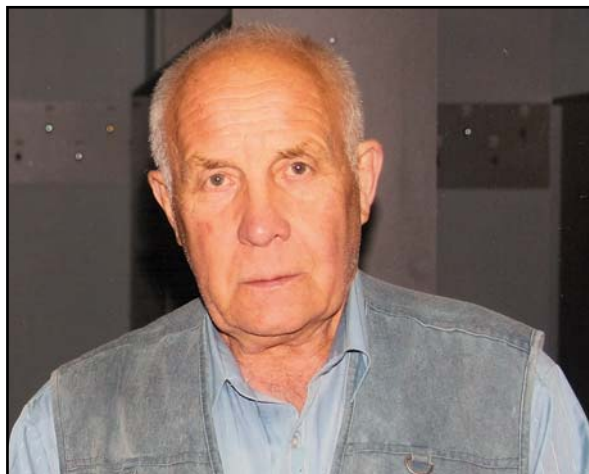

Рис. 22. Леонид Фёдорович Романов (1935—2012).

Fig. 22. Leonid Fiodorovich Romanov (1935—2012).

кафедры общего землеведения естественно-географического факультета ПГУ им. Т.Г. Шевченко Леонид Фёдорович Романов (1935—2012). Его планам провести комплексный анализ всего данного материала в виде приложения к настоящей работе не суждено было сбыться, однако в настоящей работе мы оперируем его определениями.

Итак, данная монография подводит черту под непростой, а порой и драматичной историей восемнадцати лет исследований скифского могильника у с. Глиное.

Авторы искренне благодарны всем тем, кто, работая на раскопках и в лабораториях, сделал возможными как сами исследования, так и введение их результатов в научный оборот.

§3. Описание погребальных комплексов

Курган 2

Курган 2 высотой 1 м от уровня древнего горизонта и видимым диаметром 17,5 м находился в 220 м к востоко-юго-востоку (129°) от R₁. Раскопки начаты в 1995 г. Курган исследован в 2008 г.

В кургане выявлено три погребения (два скифских и одно сарматское) и ров (рис. 23).

Кольцевой ров в сечении трапециевидный, с разрывами в западном и восточном секторах. Переход от стенок ко дну плавный. Окончания образцованных разрывами дуг заметно расширялись; восточное окончание северной дуги в плане подтреугольно сужалось. Внешний диаметр рва 15,7 м, внутренний диаметр 13,9 м, ширина 0,75—1,2 м, глубина от древнего горизон-

та 1,15—1,3 м, длина перемычек 1,6 м (западной) и 2,25 м (восточной). В чернозёмном заполнении обеих дуг рва, у западной перемычки, выявлены следы тризны — разрозненные кости животных⁴ и амфорный бой (1). В восточной половине южной дуги рва отмечено кострище, состоявшее из достаточно мощной линзы пепла и древесных углей. Длина кострища составляла, с учётом изгиба рва, не менее 3,5 м. В южной части кострища лежала сильно обожжённая деревянная плаха длиной ок. 1,5 м.

Описание амфорного материала из рва:

1. Амфорный бой (стенки и нижний прилеп ручки) принадлежит сосудам из четырёх производственных центров, одним из которых, судя по составу глины, является Синопа. Глина второго центра красно-коричневая, тесто содержит мелкую золотистую слюду и частицы известняка, черепок с серым закалом (толщина стенок 1,3 см). Тара третьего центра характеризуется плотной глиной тёмно-красного цвета с примесью песка и мелких частиц извести (толщина стенок 1 см). Четвёртый центр (нижний прилеп ручки) выпускал продукцию из мягкой красно-коричневой глины (толщина стенок 0,9 см).

⁴ Археозоологические материалы из могильника у с. Глиное до настоящего времени специалистами не обрабатывались. Именно поэтому мы не указываем принадлежность костей из тризны в курганах и из погребальных сооружений тем или иным видам животных. Исключение составляют только некоторые археозоологические материалы, определённые специалистами, что в каждом случае указано. Также авторам настоящей работы очевидна принадлежность костяков животных из входных ям катакомб лошадям, собакам и крупному рогатому скоту.